

18+

Андрей Рачковский

Чистильщик

Криминальный роман

Андрей Рачковский

Чистильщик.
Криминальный роман

«Издательские решения»

Рачковский А.

Чистильщик. Криминальный роман / А. Рачковский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838982-5

Небольшой городок, в котором правит криминал. Правоохранительные органы полностью коррумпированы. В городок направляется комиссия из офицеров госбезопасности. Которых подставляют и объявляют в качестве опаснейших преступников... В игру вступает Чистильщик — суперпрофессионал, для которого нет ничего невозможного. Сможет ли он в одиночку справиться со спрутом и восстановить имя офицеров? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-838982-5

© Рачковский А.
© Издательские решения

Чистильщик

Криминальный роман

Андрей Рачковский

© Андрей Рачковский, 2017

ISBN 978-5-4483-8982-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

18:56. Вот и все – закончился рабочий день, можно и домой собираться. Осталось лишь навести легкий порядок на столе. Папки с делами можно не убирать – завтра новый день. Снова придется их доставать, снова прорабатывать, снова ломать голову, ища различные подходы и решения этих уголовных дел. А вот карандаши и смятые листки бумаги можно убрать. Можно даже выбросить – завтра вместо них будет множество других, также испитых и также смятых. 19:00. Телефонный звонок застал старшего следователя по особым делам городской прокуратуры Иванцова уже на пороге. С секунду помедлив, он вернулся в кабинет, поднял трубку. – Следователь Иванцов! – бросил он в трубку. – Гражданин следователь! – раздался в трубке хриплый голос. Меньше всего Иванцов ожидал и хотел его сейчас слышать. Этот голос впервые позвонил ему неделю назад, после того, как оперативники «взяли» довольно жирную птицу. На крупного и широко известного в преступном мире авторитета по кличке Швед в горпрокуратуре было заведено несколько уголовных дел, и все по тяжким и особо тяжким делам. Дела-то были, да только не могли следователи доказать его вину, хотя и знали наверняка, что это он совершил. Не могли доказать вину по одной причине – не было доказательств. И свидетели, дававшие уже показания против него, вдруг начинали путаться в своих показаниях – показания одного и то же человека вдруг значительно расходились. Или же человек, всего в нескольких шагах от себя видевший преступника и поначалу сразу указавший на него, вдруг начинал сомневаться в своих словах – «не помню точно», «полумрак был», «возможно, что я ошибся». А один из подельников, уже согласившийся на сотрудничество, вдруг повесился в камере СИЗО. Сам повесился. Внезапно и неожиданно для всех. Повесился, несмотря на то, что все инурки, лямки и веревки, были изъяты при досмотре. Равно как и все острые, режущие и колющие предметы. Сокамерники же ничего не видели и не слышали, так как крепко спали в ту ночь. И так рушилось все обвинение против того самого Шведа. По российскому законодательству, будь ты хоть трижды виновен, следствию необходимо еще и доказать твою вину, привести на суд свидетелей. Не смогут следователи доказать твою вину, если свидетелей не будет. А будут свидетели или нет, зависит от того, как ты сумеешь с ними договориться. А Швед умел договариваться. Даже находясь в камере СИЗО. Через братву, что осталась на воле. Через шестерок, таскавшую ему жратву каждый день. Через надзирателей, которые получали значительную надбавку к своей небольшой зарплате. Или же получали свою жизнь и жизни своих родных и близких ради небольших поблажек заключенному...

– Алло, гражданин следователь! – повторил хриплый голос. – Вы подумали над предложением?

– Перестаньте, прошу вас, – с раздражением проговорил Иванцов. – К чему весь этот балаган? Швед виновен, это знаете вы и знаем мы. И бесполезно угрожать, ваши угрозы ни к чему не приведут.

– А я не угрожал... Пока не угрожал, – в трубке раздалась гудки. С пару секунд подержав трубку в руках, следователь положил ее на рычаг. Ему показалось, или при последних словах

голос невидимого собеседника стал каким-то жестким? Следователь развернулся и вышел из кабинета.

... Через полчаса Иванцов подъехал к дому. Припарковав машину, он по привычке взглянул на окна третьего этажа. Там всегда горел свет. В небольшом зале и маленькой кухоньке. Где, перед его приходом, готовили ужин и ждали его возвращения его красавица-жена и маленькая, но тоже уже красавица, дочка. Многие сослуживцы открыто завидовали ему, когда он, в сопровождении жены и дочери приходил на редкие семейные мероприятия. Странно, но сегодня окна были темны. В них не горел свет. Ни в зале, ни на кухне. Иванцов ощутил легкое беспокойство. Быстрыми шагами он пересек небольшой дворик, окинув его внимательным взглядом – привычка, выработанная годами службы. Ничего подозрительного. Разве что на лавочке возле детской качели сидели, о чем-то споря, двое алкашей. К ним во двор вообще часто загуливали то алкаши, то даже бомжи. Снова нужно будет переговорить с участковым, чтобы тот немного «почистил» двор. Следователь вошел в подъезд и быстро поднялся на третий этаж. Открыл дверь своими ключами. Квартира встретила его непривычной темнотой и такой же непривычной тишиной. – Света? – спросил Иванцов, включая свет в прихожей. Ему никто не ответил. Почувствовав что-то неладное, он, не снимая обуви, прошел в зал, включил свет. В зале не было никого. Все вещи были аккуратно сложены, так, как обычно их складывала его жена Светлана. Но куда делись его жена и дочь? Они всегда были дома, всегда встречали его со службы. Зазвонил телефон.

– Алло! – бросил в трубку следователь.

– Гражданин следователь, – в трубке раздался уже знакомый и противный до невозможности хриплый голос. – Вы уже дома?

Иванцов не ответил. Лишь почувствовал, как по спине пробежал мелкий и противный холодок.

– Вы не обеспокоены отсутствием своих жены и дочери?

– Где они? Что с ними?

– Они возле меня, ждут своего папу и мужа... С ними пока что все нормально, но это ненадолго. Папа их не любит, он не подумал над серьезным предложением серьезного дяди...

– Я хочу их услышать, – твердым, как всегда на службе, прервал тираду звонившего Иванцов. Не исключено, что Светлана с дочерью вышла в магазин или уехала к маме. А это – это просто понты. Просто запугивание.

В трубке послышались какие-то шумы, чьи-то разговоры, потом в трубку прорезался голос:

– Леша! Лешенька!!! – этот голос он узнал бы из сотни, из тысячи...

– Света! Света!!!

– Хватит, следак, побазарил с телкой, – снова тот хриплый голос. – Убедился, что это не понты?

– Что вы хотите? – немного дрогнувшим голосом спросил следователь

– Уже ничего... – ответил голос. Помолчав несколько секунд, добавил: – Хотя... Хотел бы, чтобы ты кое-что услышал... Чтобы понял свою ошибку...

Неожиданно громко в трубке крик. Крик его Светланы. И детский плач. Плач его дочери. И громкий выстрел. Секундную тишину прорезал новый женский вопль. Полный боли, отчаяния, ужаса... И следователь все понял. Абсолютно все. И то, что звонки не были простым запугиванием. И то, что звонивший не был нанятым за бутылку бомжом или алкашом. И то, что означал выстрел...

Положив трубку на место, Иванцов опустил на спинку кресла, стоявшего рядом. Через несколько минут следователь поднялся с кресла. Поднял трубку телефона и сделал два звонка. Первый – на местную АТС. Где представившись, потребовал выяснить номер только звонившего ему абонента и его адрес. Второй – своему старому другу, майору Голубеву, слу-

жившему в ОМОНе. Не объясняя причин, попросил поднять отряд его бойцов. Друг не отказал. Слишком хорошо знали друг друга, чтобы так шутить. Голубев заверил, что через пять минут, максимум через десять, будет с бойцами возле его подъезда.

Затем следователь подошел к стоящему в углу зала небольшому шкафчику. Выдвинув до упора верхний ящичек, он с силой рванул его на себя. Вырванный ящик полетел на пол, разбрасывая содержимое. Следователь сунул руку в шкафчик и вытащил оттуда небольшую коробку. Открыв ее, достал сверток. Не торопясь, развернул. На куске ветоши лежал смазанный ПМ. Неучтенный нигде и никем пистолет, по какой-то причине спрятанный следователем. Достал из коробки снаряженный магазин, вставил его в пистолет, передернул затвор. Зазвонил телефон. Иванцов ответил на звонок. Теперь он знал телефон и адрес звонившего ему. Осталось лишь встретиться с похитителем...

Ну, вот и все. Он готов. Они хотели, чтобы он прекратил уголовные дела по Швецу. Хотели, чтобы он нарушил закон. Он готов. Он нарушит закон....

Старший следователь по особым делам аккуратно выключил свет в квартире, вышел на пустую лестничную площадку. Аккуратно запер за собой дверь квартиры и вышел на улицу. Майора Голубева и ОМОНа еще не было. Были только те самые два алкоголика, которые безуспешно пытались прикурить. Дешевая зажигалка не хотела загораться, давая только искры, но не огонь. Увидев вышедшего из подъезда и закурившего мужчину, алкаши, шатаясь, двинулись к нему, заплетавшимися языками прося огоньку. Иванцову не было жаль огня. После событий последнего получаса ему не было жалко даже собственной жизни. Иванцов достал зажигалку, щелкнул ею и поднес маленькое пламя к прыгавшей во рту ближайшего алкоголика сигарете. Тот начал прикуривать. И, когда второй алкаши неожиданно резко шагнул за плечо, следователь не успел отреагировать. А в следующее мгновение алкоголик резким движением ударил его в бок. В руке алкаши в наступавших сумерках блеснул металл. Заточка вошла точно в печень, разрезая ее, словно бритва. Ударивший дважды прокрутил заточку, разрывая ее. Иванцов успел открыть рот, но не успел даже застонать – стоявший перед ним первый алкаши вдруг выплюнул сигарету и, перестав шататься, с силой ударил в солнечное сплетение. Хватая ртом воздух, следователь повалился на грязный пыльный асфальт. Угасающим взглядом он увидел фигуры двух алкоголиков, быстро удалявшихся прочь четким шагом. Так может ходить только трезвый человек.

Прежде, чем умереть, следователь все понял. Это – расплата за ошибку. Которую он совершил, не желая отступить от закона и своих принципов. По которым жил всю свою службу... И всю свою жизнь...

Когда через три минуты приехал «КамАЗ» с бойцами ОМОНа, то старший следователь по особым делам был уже мертв. Его друг, майор Голубев, вызвал «Скорую» и милицию. Скорую, которая приехала через двенадцать минут. Милиция приехала через сорок пять минут. Хотя до ближайшего отделения было пешком двадцать минут. Это если неторопливым шагом. И сорок пять минут, если на машине. Оборудованной сиреной и мигалкой. На спецмашине, которая ехала на место преступления.

...В небольшой, но очень уютной и дорогой сауне сегодня было малоллюдно и многолюдно одновременно. Малоллюдно – потому что занят был всего один номер «люкс». Многолюдно – потому что весь персонал обслуживал только этот один номер «люкс». И все равно не справлялся. Поэтому привлекли дополнительный персонал. Из кафе, принадлежавшего также хозяину сауны. На дверях был повешен большой лист бумаги с надписью «Закрыто по техническим причинам». Технических причин не было. Было желание клиента, занявшего номер «люкс». Отказать ему не решился даже сам владелец сауны. Потому что хотел жить. Очень хотел...

Сидящие в удобных кожаных диванах здоровенные амбалы с бритыми головами курили, стряхивая пепел прямо на пол. Между перекурами они рассказывали непристойные и похабные анекдоты, громко ржали над ними. Иногда хлопали по ягодицам пробежавших мимо официанток. Ловя их взгляды, ржали еще громче. Владелец сауны, проходя мимо, бросал на них презрительный взгляд, но не решился сделать им замечание. Потому что не положено. Потому что он их выше. Потому что они – простые «быки». Как и те, что дежурили возле черного выхода. Ему положено было разговаривать с хозяевами этих «быков».

К владельцу сауны подбежала зареванная официантка. Новенькая. Из тех, кого он привлек из кафе. Да и в кафе она устроилась-то всего неделю-полторы назад. И работала эту неделю. Хорошо работала. В две смены. Потому что деньги были нужны. Очень были нужны.

– Григооорий Викторович! – рыдая, кинулась она к владельцу сауны. Оказалась, что она униформу где-то порвала. Сильно порвала – почти до живота разорвала. Новую. Которую сегодня только получила, чтобы «люкс» обслуживать. И уже порвала.

– Где костюм порвала? – грозно прорычал Григорий Викторович.

– Эт-то не я... – сквозь слезы ответила официантка. – Эт-то оони...

– Кто?! – Они... я им во-водку принесла, а они... – заливаясь слезами, объясняла официантка.

– А они... меня повалили-и и начали о-одежду рвать... Е-еле вырвалась... и... и убежала...

– Дура! – Григорий Викторович замахнулся, но не ударил. Хотя нужно было бы. Следовало бы. А то позволяют себе невесть чего. Подумать только, вырвалась и убежала! Да с ним за нее такое сделают! Даже думать страшно, что с ним могут сделать. – Дура!!!

Оказывается, что она еще и волосы распустила. Хотя он лично дал всем указание волосы собрать. Сам. Лично. Всем. А она распустила. Оттолкнул он ее от себя, приказал умыться и в порядок себя привести. И поспешил в «люкс», откуда его уже звали. «Люкс» был большим номером. Очень большим. И дорогим. В люксе была комната отдыха. В которую могли вместиться пятнадцать-двадцать человек. И парная человек на десять. И бассейн. Метров десять в длину и метров пять в ширину. Этот «люкс» снимал всегда один и тот же человек. Ну как снимал... Обычно звонил и бронировал. Бесплатно. И заказывал еду и выпивку. Тожже бесплатно. И Григорий Викторович, владелец сауны и кафе, предоставлял ему номер «люкс». Бесплатно. И еду тожже предоставлял. Вместе с выпивкой. Тожже бесплатно. Но этим он выигрывал. Никто на него не «наезжал». Никто не требовал денег за «крышу». Потому что все знали, кто у него в сауне отдыхает. Все знали. Весь их городок. Поэтому и не решились.

Григорий Викторович постукался в дверь номера, из-за которой доносились шум и крики. Осторожно приоткрыв дверь, просунул в проем свое тучное, полное тело. На дорогом кожаном диване сидели двое абсолютно голых, почти полностью – с ног до головы – татуированных здоровенных парня. Они по очереди курили здоровенную самокрутку, задолго задерживая дым в легких и глупо ржали, когда его выпускали. На появление владельца сауны они никак не отреагировали. Григорий Викторович осторожно двинулся дальше, к большому, самому широкому и самому дорогому дивану, перед которым стоял стол, заставленный разными деликатесами. И алкоголем. Самым дорогим. Справа стоял еще один кожаный диван. На котором двое таких же татуированных парней одновременно насиловали девушку. Которая работала у него. Официанткой. Рядом с ними еще один парень насиловал другую официантку. Григорий Викторович поморщился, отвернулся от дивана. Продолжил свой путь. Возле стола он остановился. Напротив него, за столом, на широком и дорогом диване, сидел Он. Клиент. Тот самый, который постоянно заказывал этот номер. Сидел, чувствуя себя Хозяином. Так оно, в принципе, и было. Окружающие его люди были всего-навсего его приспешниками. А он был Хозяином. Их Хозяином. Его, Григория Викторовича, Хозяином. Хозяином этого города.

Григорий Викторович встретился с ним взглядом. И не выдержал. Отвел взгляд. И поспешило, едва не кланяясь, произнес:

– Здравствуйте, Эдуард...

– Ну, здорово, Гриша! – оборвал его Хозяин. И, поморщившись, добавил: – И зачем фамильярность? Я сегодня отдыхаю. Устал, знаешь ли, от тюремных иконок. Неудобно там...

Опрокинул в рот стопку водки, закусил соленым огурчиком. Посмотрел на Григория Викторовича. Тот почувствовал, как противно по спине пробежал холодок. Несмотря на тепло.

– Вот я отдыхаю... И ребята мои... – Хозяин обвел взглядом сидевшие слева и справа от него татуированные тела. И те, что насильем занимались, тоже взглядом обвел, – тоже отдыхают... А ты мне, Гриша, фамильярность... Для своих я просто Швед. Ты меня понимаешь, Гриша?

– Да, Эд... То есть Швед...

– Ну вот и лады... Да ты присядь, Гриша, выпей!

– Н-нет, Швед... Спасибо... – проблеял Гриша. Он не понимал, куда Швед клонит. Однажды Гриша стал свидетелем, как Швед, разговаривая вот таким вот дружеским образом, насмерть забил своего собеседника. И с тех пор не взлюбил Гриша такие разговоры. Ох как не взлюбил!

– А скажи мне, Гриша, обидел я тебя чем-нибудь? Или ты чем-то недоволен?

От этих слов не только холодок по спине Гриши пробежал. Он моментально взмок. Холодным, липким и противным потом покрывлся. Весь. Полностью. И еще колени затряслись. Мелко. И противно.

– Н-н-нет, Швед, нич-чем... – заикаясь, ответил Гриша.

– Так зачем ты меня с ребятами обижаешь?! – при этих словах Гриша побледнел. Даже чуть в обморок не упал. Едва удержался. Чудом устоял. – Ребят моих не уважаешь?

У Гриши словно дар речи пропал. Стоял и молча смотрел на Шведа. Молча. Потому что ничего сказать не мог. Швед не обратил внимания на его молчание.

– Моему братку тут официанточка твоя приглянулась... Приятное ей хотел сделать, а она... Она все лицо ему расцарапала... Ой, не дело это, Гриша, ой, не дело...

И Григорий Викторович все понял. Все абсолютно. Что-то бессвязно бормоча в свое оправдание, он попятился назад, к двери. Чтобы исправить ошибку. Чужую ошибку. Которая могла стать его ошибкой. Даже против его желания...

– Братва!!! Айда в бассейн! – истошным воплем заорал один из братков и, подскочив, помчался к дверям в бассейн, сверкая филейными частями своего тела и наколками на них.

Гриша выскочил за дверь, плотно прикрыл ее. С минуту стоял, приходя в себя. Успокаивая трясущиеся колени. Выравнивая дыхание. Вытирая пот.

Через две минуты в «люкс» силой втолкнули ту официантку, что пять минут назад подбежала к нему, ища защиты. Всего пять минут назад. Которые показались Грише целой вечностью. Гриша поднялся к себе в каморку, которую называл «кабинетом». И там залпом выпил почти полбутылки дорогого коньяка. Один выпил. Из горла, не пьянея. Затем спустился, что называется, «к народу».

Через час официантку выкинули в коридор. Избитую. Истерзанную. Окровавленную. изнасилованную. изнасилованную по несколько раз толпой пьяных ублюдков, пустивших ее «по кругу».

Еще через полчаса вдруг исчезли почти все официантки. Ситуацию пояснила администраторша Риточка, без слов, но с выражением ткнув указательным пальцем в сторону «люкса». Гриша все понял. И снова выпил полстакана коньяка. Не закусывая. И посмотрел на Риточку. Она была красивой и везучей. Едва только она появилась в сауне, как на нее положил глаз сам Швед. Около месяца она сопровождала его почти повсюду. Часто даже на работу не являлась. А иногда приходила, шатаясь от усталости, с красными опухшими

глазами от бессонных ночей. Она шла враскорячку – по-другому, после «отдыха» со Шведом не получалось – в подсобку, где отсыпалась. Если ей, конечно, это позволял Швед. Само собой, что на фаворитку пахана никто из братков даже голоса не повышал. Даже когда Швед остыл к Риточке, ни один из братков не осмелился ее обидеть. А ну как вспомнит Швед про свою «бывшую»? И тогда обидчику несдобровать. Семь шкур ведь спустит. А после еще и сожрать заставит. Так и стала бывшая любовница хозяина города спокойно жить, не опасаясь домогательств братков. Но еще Риточка была наблюдательной. Много раз она ловила жадный взгляд Гриши. И понимала его. Понимала, какие стрессы он испытывает с такой работой. Понимала, какой вред его, Гришиному, здоровью от этого наносится. И как это вредно. И еще Риточка была чувствительным человеком. Она сочувствовала Грише. И помогала ему снять стрессы, наносящие вред его здоровью. В основном, в его «кабинете». Одним словом, была человеком. Причем хорошим. А хорошему человеку и работу хорошую нужно. И зарплата у хорошего человека должна быть хорошей. И поэтому стала Риточка старшим администратором. Фактически, его замом стала. За него дела вела, когда он в кафе был. Или на отдыхе. Или болел. Не мог ведь Гриша везде успеть...

Начал Гриша понемногу успокаиваться – обошлось все вроде. Исправил он ошибку молодой и неопытной официантки. Да и коньяк свое дело начал делать... Успокаивался Гриша... И успокоился бы, если бы не Риточка. Прибавила она звук у работающего телевизора. Большого телевизора. Подарка Шведа. Для любимой сауны. А по телевизору новости показывали. Про убитого неделю назад следователя по особо важным делам. Говорили, что убийством послужил обычный грабеж. Оказал сопротивление следователь. Вот его и пырнули ножом. А так отдал бы деньги, ну, или карманы бы вывернул. Зато жив бы остался... Не понимал Гриша таких людей. Всем сердцем не понимал... Но новости были не про следователя. Показывали того самого майора, что над телом мертвого следователя прилюдно поклялся его убийц даже из-под земли достать. Его клятву потом по всем каналам показывали, во всех новостях. Даже надежда у некоторых граждан появилась...

На следующий день после похорон следователя внезапно для всех ОМОН начал шерстить весь город. Бойцы работали, казалось, по двадцать четыре часа в сутки. Первым делом наведались на местные рынки, где было задержано много народу. Среди задержанных оказалось несколько находящихся в розыске личностей. Потом затрещали все малины и притоны в городе. И снова – толпы задержанных. И снова – рецидивисты, находящиеся в розыске, некоторые – даже в федеральном. И снова – облавы, облавы и облавы... Журналисты и репортеры, вовремя оказавшиеся на месте облав, успевали заснять бойцов ОМОНа в масках, выводящих задержанных. А впереди всегда шел этот майор. Без маски, не скрывая свое лицо...

И вот ведь каким поганым оказался этот майор. Который прилюдно клялся у мертвого тела товарища найти и наказать убийц. По новостям подробно это показали и рассказали. Пьяницей он был. Вот и вчера, напившись до чертиков со своими подчиненными, чего-то с ними не поделил. В итоге выстрелом в лицо из табельного оружия убил одного сослуживца. А потом и второго. Чтобы свидетелей не оставлять. Но в соседней комнате находилась жена. И двое детей. Мальчик и девочка. Трех и пяти лет. Майор был профессионалом. А профессионал следов не оставляет. Равно как и свидетелей. Собственноручно расстреляв жену и детей, он решил скрыться с места преступления. Но помешали сотрудники милиции, которых вызвали перепуганные соседи, слышавшие выстрелы. Обложенный со всех сторон, майор покончил с собой, выстрелив себе в голову. При обыске у него дома обнаружили целый арсенал оружия. И большую сумму денег. Которые, как установила экспертиза, были похищены в прошлом году при нападении на инкассаторскую машину, при котором погибли двое инкассаторов...

Вот ведь какой сволочью оказался этот майор. Настоящим оборотнем в погонах... Гриша зло плюнул на пол. Испортил ему выпуск новостей поднявшееся было настроение.

Риточка растерянно смотрела на него. А Гриша снова опрокинул в себя полстакана дорогого коньяка, и, взглянув на Риточку, взял ее за руку. И повел в свой кабинет. Снимать стресс...

Но не знал Гриша многого. Из того, что не показали по телевидению. Например, что погибший майор на дух не переносил спиртного. Или что во время ограбления тех инкассаторов в прошлом году, майор лежал в госпитале с тяжелым ранением, и что не мог даже до туалета добраться, не говоря уж о том, чтобы кого-то ограбить. Или что погибший майор никогда, кроме службы, не носил с собой оружия. А убитую им жену и двоих детей любил больше всего на свете. Больше жизни своей любил. И которую, не задумываясь, отдал бы за них, если бы это было нужно. Или что соседи слева уже месяц, как переехали, выставив квартиру на продажу. А соседкой справа была древняя дряхлая старушка, которую накануне «попойки» забрала к себе ее дочь. Не знал этого Гриша...

И журналисты вместе с корреспондентами, видимо, этого не знали... И участковый, что опрашивал соседей вместе с опергруппой, этого тоже, видимо, не знал... И судмедэксперт, который проводил экспертизу, видно, никудышный попался. Раз не знал, что у выстрела в упор и у выстрела с небольшого, но все же расстояния, совсем разные следы остаются. С такими заданиями легко справляются даже студенты, будущие судмедэксперты. А вот он, проработав почти десять лет, этого не знал. А еще никто не знал, что всего месяц назад майор прошел ВВК, признав свою полностью здоровым. Как физически, так и психически...

– Итак, задачи ясны? – обведя всех присутствующих в небольшом зале взглядом, подвел итог совещания генерал Марченко. На форме большинства присутствующих красовались майорские и подполковничьи звезды. Несмотря на их довольно молодой возраст

Офицеры нестройными голосами утвердительно ответили на вопрос. Генерал еще раз посмотрел на присутствующих. Украдкой вздохнул. Эх, сюда бы его товарищей. И боевых, и с кем просто столкнула в жизни судьба. Товарищей, с которыми спина к спине отражали нападения. Нет, присутствующие не были плохими. Но они не имели того опыта, который имелся у генерала. Резко повернувшись, он усилием воли отогнал прочь нахлынувшие воспоминания. Приходится обходиться тем, что есть. Вернее, кем. Из опытных «стариков» уже почти никого не осталось. Да и чудо, что еще эти-то не ушли. Как многие другие. Мощная, великая некогда страна теряла былую славу и мощь. Сокращались целые подразделения, расформировывались дивизии, распродался флот и бронетехника. Людей, посвятивших свою жизнь служению Родине, выбрасывали на улицу. Без средств к существованию. Просто списывали. Как ненужных. Остатки тех, кто еще остался при деле, уже не могли полноценно противостоять криминалу, растущим в геометрической процессии бандам. Некоторые из которых имели ежемесячный доход, сопоставимый с бюджетом небольшого города. Многие из силовых структур, которых выкинули на улицу, перешли на сторону криминала. И теперь работали на тех, на кого еще совсем недавно охотились. Перешли на их сторону по разным причинам. Одни – потому что ничего другого не умели. Другие – потому что в криминале они зарабатывали в несколько раз больше, чем прежде. Хотя делали ту же самую работу. Другие – потому что не было выхода. Не было работы. Не было денег. А были семьи. Были дети. Которые хотели есть. И приходилось идти на поклон к вчерашнему врагу. А тот понимал их, входил в их положение. Давал работу, платил деньги. Потому что ему требовались опытные люди. Профессионалы. Которые были не четой уркам, многие из которых не имели даже среднего образования.

Поэтому при деле остались лишь те, кто остался. Тот, кто сумел удержаться. Тот, кого чудом обошли реформы. И те, кто был фанатом своего дела. Остались еще такие. Генерал не раз в этом убеждался. Остались те, кто не продавался. Хотя, генерал знал это по собственному опыту, у каждого человека есть цена. Только у каждого разная. И нет никакой

гарантии, что, не продавшись вчера и позавчера, он не продастся завтра. Вдруг захочет. Или заставят...

– Майор Бойцов со своей группой выдвигается завтра. По прибытии ознакомитесь с обстановкой непосредственно на месте. О всех нарушениях докладываете мне. Если что-то выяснится о коррупции в местных органах – немедленный доклад мне. Обо всех ЧП – немедленный доклад мне. Вопросы?

Вопросов не было. Задача была ясна майору Бойцову – убить в сопровождении трех своих человек в небольшой городок, в котором в последнее время творилось что-то непонятное. Неофициальные источники сообщали, что город захлестнула волна преступности, что большинство правоохранительных органов коррумпированы, а городом неофициально правят криминальные авторитеты. Официальные источники опровергали сведения неофициальных. Город как город, ничего особенного. Да, случаются порой несчастные случаи, но без этого никак. А так – все в порядке. Истинное положение дел и предстояло выяснить майору Бойцову...

– Тогда вы свободны. Сейчас на инструктаж, после него получите полный расклад по ситуации в городе, также в вашем распоряжении будет вся оперативная информация. Все, готовьтесь! – майор поднялся, и, козырнув, вышел из кабинета. Генерал проводил его взглядом. После повернулся к присутствующим. – Вы тоже работайте. У каждого есть задачи... Если все всем понятно и нет вопросов, никого больше не задерживаю!

За шумели задвигаемые стулья. Подчиненные покидали кабинет генерала. У многих были задумчивые лица – серьезные задачи поставил всем им генерал. Каждому. И предстояла теперь огромная работа.

Впрочем, как и всегда. И раньше ее было не мало, а теперь, когда на развалины могучей некогда страны, словно стервятники, слетелись все, кому не лень, работы только прибавилось. Снова бессонные ночи, опасные задания, и все нужно сделать так, чтобы не нарушить законы. Которые переписывались чуть ли не каждый день. Переписывались, чтобы служить тому, кто их писал. И быть полезным тому, кто их писал. Законы пишутся не народом. А тем, кто у власти. И не для народа. А для тех, кто у власти. Для их еще большей власти.

...Трое высоких, крепких мужчин вышли из большого, длинного автобуса. Междугородного автобуса. Одеты они были в просторную одежду. В руках – спортивные сумки. Вместе с другими прибывшими прошли через здание автовокзала, вышли на привокзальную площадь. Там остановились. Двое из них закурили. Прикуривая, они не зажмурились. Не опустили взгляд на сигарету. Прикуривая, они быстро, но внимательно оглядели небольшую площадь, взглядом ощупали каждого находящегося на ней. Вездесущие таксисты опытным взглядом без труда определили в них приезжих и бросились к ним, наперебой предлагая им свои услуги. Докурив, приезжие согласились на предложение одного из них. Он мигом убежал, а через минуту подъехал на стареньких брэнчащих «Жигулях». Прибывшие загрузились в нее и назвали таксисту гостиницу, в которой были забронирован на них номер. Таксист резво взял с места. Через полчаса они выгрузились из машины, остановившейся возле серого, двухэтажного кирпичного здания. На котором, возле входных дверей, висела табличка «Гостиница Изабелла». Без смущения они вошли, взяли ключи и поднялись в номер. Тот был под стать зданию – маленькие комнатки на двух человек; душевые, в которых едва мог поместиться один взрослый человек; простая и дешевая мебель; застиранное, сероватого оттенка, но свежее постельное белье. Аккуратно поставив сумки, приехавшие собрались в номере. Предварительно полностью его проверили. На «жучки», на камеры, на диктофоны. Вернее, на их отсутствие. И начали негромко совещаться. Спустя минут десять сидящий в фойе лысоватый мужчина встал, свернул газету, которую читал, бросил ее в урну. Подошел к девушке за стойкой на входе. Что-то у нее спросил. Потом еще раз. Словно фокусник, достал откуда-то большую плитку шоко-

лада, положил ее перед девушкой. Дорогого шоколада. Та, игриво улыбаясь, убрала шоколадку. Видимо, после такого маленького подарка разговор задался. Девушка открыла журнал учета постояльцев, продиктовала мужчине фамилии прибывших. Тот широко осклабился, обнажив полный золотых зубов рот. Развернулся и вышел на улицу. Там, у входа в гостиницу, остановился и кому-то позвонил. Дозвонившись, сказал всего несколько слов. Рядом никого не было, поэтому никто и не слышал, что он сказал. А мужчина сказал-то всего-навсего невидимому собеседнику: «Это ОНИ. В Изабелле». После чего сел в стоящую напротив гостиницы 99-ую модель «Жигулей» и уехал. Новые посетители гостиницы «Изабелла», посоветовавшись, разошлись по номерам. Гостиницу они так и не покинули. До самого утра. А утром, наспех позавтракав чаем и печеньем, купленным еще в дороге, вышли из гостиницы. Поймали проезжали местного «бомбилу». Назвали адрес

Минут через пятнадцать машина остановилась у здания центрального УВД. Мужчины расплатились с таксистом и уверенно вошли в здание. Сидевшему на входе дежурному показали небольшие красные корочки, после чего спокойно прошли. Дежурный их не остановил. Потому что права на это не имел. Прибывшие вели себя так, будто были здесь главными. Нагло вели себя. Нахально. И также нахально, без стука, они вошли в кабинет начальника. Бесцеремонно расселись на стулья. На плохо скрываемое раздражение начальника показали свои удостоверения. И вкратце объяснили, почему они здесь и что они здесь делают. Начальнику не нравилось, что в его дела и владения вторглись посторонние, но ничего поделать он не мог. Не мог отказать им в их требованиях. Потому что старший среди «посторонних» положил на стол несколько листов бумаги. Обычной бумаги. На которой был напечатан не крупный текст, а внизу стояло несколько размашистых подписей, поверх которых – гербовые печати. И, после прочтения этих листов бумаги, «посторонние» перестали ими быть. А стали – своими. Потому что на первом листе был напечатан приказ, согласно которому майор Бойцов и его группа прибыли в этот город. На втором листе – другой приказ. По которому майор Бойцов и его группа имели право потребовать любые дела и документы для ознакомления. И обязаны были их получить. И был еще третий приказ. По которому все сотрудники и он лично – начальник УВД города – должны были оказывать им всяческую помощь и всяческое содействие. И даже перейти в их распоряжение. При необходимости... Начальник УВД заскрипел зубами от досады. Но приказы имели гербовые печати. И подписи. Людей, перечить которым он не мог. Мог только подчиниться их приказам. И он подчинился.

После ознакомления Начальника с приказами, майор Бойцов затребовал сводку происшествий за последние два месяца. Затребовал рапорта, отчеты, служебные записки и объяснительные сотрудников и простых граждан.

Отказавшись от угощений, майор Бойцов и его люди закрылись в выделенном им кабинете. И занялись работой. Скрупулезной, однотонной, утомительной. Бумажной работой.

А Начальник сделал звонок. Всего один короткий звонок. И принялся ждать.

Швед положил трубку. И призадумался. Не понравился ему тон звонившего. Очень не понравился. Хотя он прекрасно понимал того, кто ему только что звонил. И его панический голос понимал. Звонившему было что терять. Недавно он прикупил дочери огромную дачу. В качестве подарка к свадьбе, которая должна была состояться через пару месяцев. И машину сыну. Подарок на его совершеннолетие. Дорогую машину. И шубу жене. На которую она засматривалась последние полгода. Хотя до зимы было еще далеко. Но купил все же шубу. Которую он не мог себе, вернее, жене раньше позволить. Так как зарплата начальника УВД города не очень большой. А теперь смог. Смог и машину, и дачу, и шубу. Смог купить, потому что теперь он получал от Шведа приличную сумму. В долларах. Ежемесячно. В ответ делал всего лишь небольшие одолжения. Закрывал дела, разваливал следствие, заставлял перевернуть показания свидетелей и очевидцев. Всего-то...

И теперь его «одолжения» могли разнохать прибывшие проверяющие. И повязать. И разговорить. И докопаться до истины. И выйти на него, на Шведа. А этого нельзя было допустить. Никак. Иначе – он не отвертится. И теперь нужно было что-то делать. Принимать меры. Думать. Ведь на то он и Хозяин, чтобы думать. И Швед думал...

Первым делом он вызвал к себе Штангу – одного из «бригадиров» его армии. И дал приказ «пасти» пришедших. Быть в курсе всех их передвижений. Ежеминутно. Ежесекундно. Но так, чтобы те не заметили за собой «хвоста». После вызвал к себе Логиста. Швед проворачивал крупные сделки, многие были нелегальны. Нужен был безопасный путь. Дорога. И человек, который все это просчитывал бы. Именно Логист и был таким человеком. Когда Логист явился перед светлые очи пахана, тот внезапно вдруг отменил перевозку груза с заключенной на днях сделки. Логист недоумевал – путь открыт, каналы налажены, проверок не будет. А если даже и будут, то не смогут ни до чего докопаться. На то он и Логист, чтобы обеспечить грузу «зеленый» путь. Без остановок и задержек. Но пахан есть пахан. И Логист отменил перевозку...

После к пахану явился Циклоп. Свое погоняло он получил еще в малолетней колонии, когда в общей драке кто-то выбил ему глаз. Тогда же, кто-то из надзирателей, и пошутил, назвав Циклопом. И прижилось погоняло. Циклопу Швед приказал следить за начальником УВД. И, если тот решит вдруг сдаться или сотрудничать, Швед должен это немедленно узнать.

Едва только ушел Циклоп, как к пахану снова пришли. У Шведа был сегодня день приемов. Как у какого-нибудь министра. На этот раз по зову пахана явился Носорог. Здоровый и угрюмый, необщительный, он работал в бригаде в качестве «карателя». Убирал неудобных и проитрафившихся людей. Он убирал людей красиво. Не задумываясь. Маскировал под самоубийство, несчастный случай, аварию и так до бесконечности. Еще никто не мог сравниться с Носорогом в искусстве развязывания языка и выбивания нужной информации. Его методам позавидовал бы сам маркиз де Сад. О Носороге среди братвы ходили чуть ли не легенды. По крайней мере слухов было – хоть отбавляй. Например, что Носорог убил, а потом собственноручно расчленил даже собственного брата. По распоряжению пахана. Когда у того вдруг пропало дорогое кольцо. Правда, кольцо после нашлось, но Носорог вряд ли об этом догадывался... От пахана Носорог получил приказ убрать участкового. Того самого, который опрашивал соседей в тот день, когда пьяный майор ОМОНа устроил кровавую бойню. Убрать тихо, без шума. Чтобы в несчастном случае.

И снова Швед погрузился в тягостные мысли. Много было вопросов. Что, если проверяющие докопаются до истины? Что, если расколется кто-то из подкупленных сотрудников? Что, если проверяющие передадут сведения наверх? Ответов и их вариантов тоже было немало. От ликвидации расколотившихся до падения империи Шведа. Последнего Шведу хотелось меньше всего. Чтобы хоть как-то развеяться, Швед вызвал шестерок и поехал в кафе. К Григорию Викторовичу. Где напился. Почти до беспамятства. Как давным-давно не напивался...

Всю неделю каждые два часа Шведу приходила информация. Разная. Абсолютно разная. Но достоверная. На все сто процентов достоверная. Швед знал, где, в какое время и что ест начальник УВД. Где проводят день и ночь прибывшие с проверкой. Чтобы ослабить их внимание к начальнику УВД, Швед отдал пару мелких притонов. На которых были взяты несколько мелких урков. Которыми Шведу было не жалко пожертвовать ради шкуры более крупного зверя, ради своей шкуры. Носорог неоднократно запрашивал согласие на ликвидацию участкового. Но Швед все медлил. Не хотел привлекать внимание проверяющих к новому делу.

И ждал. Уж чего-чего, а ждать Швед умел. Научили. И на малолетке, и потом, в зоне. И потом, в новой в зоне. И после зоны, когда был в бегах. Не из тех был Швед, кто от ожидания с ума сходит. Умел ждать. И ждал.

...Майор Бойцов был, что называется, не в своей тарелке. И на то были причины. Всю неделю он и его люди изучали дела, рапорта, отчеты, объяснительные. В бумагах все было нормально. Не к чему придраться. Осмотр, досмотр, опрос, допрос, экспертиза...

На деле же многое не связывалось. Например, тот майор из ОМОНа. Что расстрелял двоих сослуживцев, потом всю свою семью, а после застрелился сам. Как такое могло быть? Наверяд ли у человека, побывавшего в «горячих точках», всего лишь просто-напросто «крышак» рванул. А по документам выходило, что все именно так и было. На справку о прошедшей всего месяц назад ВВК судмедэксперты разводили руками. Бывает, мол. И не такое еще бывает. Бывает, что и незаряженное ружье стреляет. Бывает, что примерный семьянин вдруг всю свою семью под нож пускает. Просто так, ни с того, ни с сего. Не придраться к бумагам...

Или погибший пару дней назад участковый. Звонок в скорую был от его старого друга. Выехавшие на место врачи скорой помощи констатировали смерть одного мужчины, бывшего участковым, и тяжелую степень пищевого отравления другого. Того самого, что их и вызвал. Едва сумели его откачать. Допросы не дали результатов. Чудом выживший после отравления рассказывал одну и ту же историю. У его друга было два дня выходных. Решили выбраться на природу – шашлычки там, водочка, само собой... Сначала шло все хорошо, но потом водка кончилась. Как всегда, в самый неподходящий момент. Добрались до местного павильона, торговавшего водкой. После этой водки они почувствовали себя как-то хреново. Обгладив все окрестные кусты, мужчина обнаружил своего друга без сознания. В чувство его привести не удавалось, друг лишь покрывался странной бледностью и холодел. Напуганный, и оттого чувствующий себя все хуже и хуже, мужчина сумел вызвать скорую. Больше он ничего не помнил. Очнулся он только в реанимации городской больницы. От своих показаний он не отказался, когда его даже припугнули немного. Твердил одно и то же. В общем картина была ясна – траванулись «паленой» водкой, разбодяженной, скорее всего, где-нибудь в подвале среди города. Хозяин павильона ничего путного тоже не мог сказать. Его трясло, как осиновый лист. По документам все было нормально – сертификаты качества, акциз и прочее...

Обычное дело – взяли некачественный товар, отравились им. Сколько народу по всей стране ежедневно мрет от подобного? Четких цифр не знает никто. Есть статистика, но сколько среди покойников бомжей, алкашей и прочих, нигде не учтенных?

Все было, как говорится, чин чинарем. Ну чувствовал майор Бойцов, что что-то тут не так. Нутром чуял. А доказать не мог. Предположить, что хозяина павильона подкупили? Или друга того участкового? Или кого-то из сотрудников, которые прикрывали глаза на беспредел, и подсовывали нужные бумаги взамен настоящих? Но, в таком случае, можно было подозревать кого угодно. И скольких угодно. Вплоть до самих верхов.

Бред какой-то. Паранойя. Не могут подкупить всех. Разом. Сразу всех. Это ж сколько денег-то надо?! Да тот майор из ОМОНа – он что, тоже был подкуплен? Тогда зачем его убили? То, что майор был жертвой, а не убийцей, Бойцов не сомневался. Он не смог бы объяснить причину своей уверенности. Просто знал, и все... Сказывался его опыт – неоднократно он сталкивался с подобным по долгу службы. А своему опыту майор Бойцов доверял. И интуиции тоже – не раз она спасала ему шкуру. Да и не только ему одному.

Вот и сейчас, доверившись своей интуиции, майор решил проверить нескольких людей. Всего нескольких. Которые чем-то заинтересовали его. Когда он изучал дела и материалы дел. Кое-кто из них мелькал сразу в нескольких делах и их материалах. Возможно, что они смогут пролить хоть какой-то свет на происходящее. И произошедшее. Все равно пустым и без результатов не резон было возвращаться. Получится, что они зря неделю в архивах просидели. Причины? Придумают. Некомпетентность – хоть его, хоть группы в целом; или же скажут даже, что они и не работали вовсе; а кто-то скажет, что и его подкупили, если следующая проверка что-либо выявит... Действовать нужно было быстро – до конца их командировки оставалось совсем чуть-чуть. Послезавтра их командировка заканчивалась, и они

убывали к себе в управление. Прочь с этого городка. Прочь из его жизни. Прочь от материалов, с которыми ознакомились...

Бойцову не спалось. Слышая мерное дыхание спящих товарищей, майор уже был уверен, что в этом городке не все так ровно и чисто. Почему он так уверен? Он не знал... Интуиция. Просто интуиция... Нужно будет вплотную заняться разработкой тех лиц, что мелькали в материалах дел. Пока еще есть время. Сегодня. Уже сегодня – второй час ночи... И завтра. До вечера, до того, как они уедут...

А сейчас – спать! Утро нужно встретить бодрым, выспавшимся. Поэтому – спать!!!

С самого утра Швед находился в приподнятом настроении. Не оттого, что, несмотря на присутствующих в городе ревизоров, как Швед решил называть проверяющих, он получал свою прибыль. Не оттого, что вчера он сумел договориться об открытии каналов из одной из бывших республик Советского Союза. Что означало прилив новых денежных средств. Таких, что все суммы, получаемые им в этом городке, казались незначительным мизером. Это во-первых. А во-вторых, он заявил о себе. Заставил считаться с его мнением. Хотя он и так был не последним человеком. К тому же, его еще обрадовал и позвонивший его человек. Его, Шведа, представитель, так сказать. Обрадовал тем, что сумел «договориться» с начавшими было мяться «компаньонами». Которые хотели были сорвать поставку товара. Теперь они были согласны на его, Шведа, условия. И не будут выкобениваться в будущем. Совсем не будут. Не потому, что стали его фанатами, просто-напросто потому, что их больше не было. В живых не было. А груз был. И должен был прийти максимум через две недели. Груз на миллионы. Если не на миллиарды. Швед был доволен. В том числе и работой его подчиненных. Не «шестерок», разумеется, и не рядовых «быков». А работой его братвы, максимально приближенных к нему. Само собой, что незаменимых людей не бывает. И, если бы потребовалось убрать все свое окружение, Швед не задумываясь сделал бы это. Вполне возможно, что своими руками. Не по чину, конечно, но и перед братвой тоже нужно время от времени воспитательную работу проводить. В качестве наглядного пособия. Чтобы понимали, что, если что не так, то их пахан не побрезгует, и собственноручно три, если не больше, шкуры спустит. И чтобы боялись. И, если коснется, то страх перед ним должен быть намного сильнее другого страха. Например, перед кем-то. Перед конкурентами, если такие снова рискнут сунуться на его территорию. Или перед мусорами, выбивающими из задержанных признательные показания. От дикого, животного страха перед ним никто не рискнет дать показания. Но Швед и награждать и поощрять своих подчиненных не забывал. И не только финансами. Но и отгулами. И подарками. И поэтому его уважали. И боялись. И не зря. Было за что...

Настроение немного подпортил позвонивший ему следователь. Из тех нескольких, которые были подкуплены. Швед не доверял никому. Если человек продался один раз, то он может продаться и во второй раз. И в третий. И даже в четвертый, и в пятый... И Швед хотел, когда ему что-то докладывали, тем более, мусора, быть уверенным, что это не липа. И что переданная информация не разработка мусарни и их спецов. Поэтому и подкупал еще нескольких человек, чтобы те могли подтвердить или опровергнуть данную ему информацию

Позвонивший ему следок сообщил, что проверяющие не смогли ни до чего докопаться. Но, тем не менее, заинтересовались несколькими личностями, которые фигурировали в материалах различных дел. Чем они их заинтересовали, не известно, но ревизоры затребовали все данные на этих людей.

Швед ненадолго призадумался. В принципе, они не смогли бы сообщить ревизорам ничего нового. И ничего важного. Но неизвестно, в чем именно заподозрили их ревизоры. И чем именно они заинтересовали ревизоров. А вдруг кто-то из этих нескольких решит сыграть на стороне? Доказательств нет, конечно. Но это может вызвать в город новые ревизии, что Шведу

абсолютно не нужно. Но и убирать этих троих нельзя. Это точно вызовет интерес. И уже точно будут новые проверки и новые ревизии.

Но Швед на то и был паханом, чтобы решать такие проблемы. Он был головой. И он уже знал, как решить. И вызвал к себе ходивших под ним братков. Которые были исполнителями

– Слушай внимательно, – наставлял Швед своего подручного. – Возьми с собой пару ребят, проедешь по этим адресам. Этих людей в ближайшее время нужно убрать...

– Совсем убрать? – переспросил «шестерка»

– Нет, не совсем, на время, – ответил Швед. И, глядя в округленные глаза «шестерки», пояснил: – Пусть уедут куда-нибудь на время. На дачу там, на рыбалку, к любовнице... Пока проверяющие из города не уберутся. Все понял?

«Шестерка» молча кивал головой. Для него было непонятно, для чего такая морока. Вывезти за город, лес, или же на свалку, да имальнуть по этим фраерам из ипалера. Их на свалке и не найдет никто. Вернее, найдут, но не скоро. И просто-напросто будет у мусоров на одного «глухаря» больше. А тут... Их вывезти нужно, а охранять? Охранять не нужно. И на том спасибо! А то еще бы приказал Швед к ним баб привезти...

Но Швед есть Швед. Если скажет привезти, то привезут. Он сам привезет. Потому что Швед сказал. Привезет как миленький!

«Шестерка» побежал выполнять поручение Шведа.

Майор Бойцов вышел из машины. Попросив предварительно водителя подождать. Водитель был не против. Тем более, что деньги уже получил. Задатком. Таксист вообще был бы рад таким клиентам – никуда не ездит, стой знай на месте, да денежки получай. Майор захлопнул дверцу и, прикуривая сигарету, незаметно для всех огляделся. Ничего подозрительного не заметил. Неподдалеку, в будке телефона-автомата, стоял высокий, коротко стриженный парень и что-то кричал в трубку. Наверное, с девушкой ссорился. Бойцов направился к ближайшему дому, возле которого они остановились. Поднялся по небольшому крыльцу, позвонил. Тишина. Майор позвонил еще раз. Снова тишина. Похоже, никого нет. Спустился с крыльца, снова закурил сигарету. Это был уже второй адрес, по которому ездили Бойцов и его люди. В материалах дела часто мелькали несколько человек, которых следовало бы допросить. Вернее, с которыми нужно было бы поговорить. Для допроса не было оснований. Да только вот двоих дома не оказалось. Ладно, еще пару адресов объехать надо. Парень, звонивший по телефону, уже ушел. Майор подошел к телефону, набрал номер.

– Игорь, – после ответа собеседника спросил Бойцов, – Что там с бухгалтером?

– Нет дома, товарищ майор, – последовал ответ. – Соседей поспрашивали, никто ничего не видел, никто ничего не слышал... Кроме одного...

– Что там?

– Незадолго до нашего приезда старичок-сосед сверху видел, как к нему постучались несколько парней. На вид – отъявленные бандиты. Через несколько минут он вышел с ними. Они сели в машину и уехали.

– Почему он решил, что это были бандиты?

– Этот старичок в свое время в органах служил, глаз наметанный

– Хорошо... Давай дуй по следующему адресу, я скоро туда тоже подъеду.

Майор положил трубку. Повернулся, направился к ожидавшему его автомобилю. Расслабившийся было таксист встрепенулся, завел заглушенный двигатель. Через минуту поехал по указанному ему адресу. Быстро поехал. Потому что клиент хороший попался. Минут через двадцать машина притормозила возле обычного на вид пятиэтажного дома. Майор вышел, отпустил таксиста. Тот ему больше не был нужен.

Еще минут через десять подъехал Игорь. Капитан Фролов, если официальным языком. С майором они вошли в подъезд. Фролов пошел вперед. Майор Бойцов чуть позади, отстав

немного. Вот и нужная дверь. А вот и звонок. И снова тишина. В ответ ни звука. Черт возьми, они что, все разом уехали?! Все, кто фигурировал в уголовных делах?

Проверяющие уже было развернулись, чтобы уйти, как капитан Фролов вдруг услышал тихий звук. Но не подал виду. Потому что звук доносился из-за двери. В которую они только что звонили. В квартире кто-то был. Возможно, что нагрязнули «гости». Чтобы убрать свидетеля. Или сам хозяин не хотел встречать гостей.

Выйдя из подъезда, Фролов и Бойцов закурили, стали ловить «мотор». Бойцов, прикуривая, краем глаза заметил, как шевельнулась штора на окне. На окне квартиры, в которую они звонили. И в которой была тишина. Майор переглянулся с Фроловым – тот, похоже, тоже заметил движение.

Возле голосовавших тормознул местный «бомбила». Цена его устроила. Дождавшись, пока клиенты усядутся, водитель газанул. Но на первом же перекрестке один из пассажиров попросил повернуть совсем в другую сторону. Бомбила разворчался. И пассажиры тут же показали ему красные корочки. Удостоверения, с хозяевами которых лучше было не спорить. И тем более со службой, которую они представляли. Поэтому водитель покорно повернул, куда его просили. Потом еще раз и еще.

К дому они подъехали спустя всего минут пять после того, как от него же уехали. Вернулись, объехав квартал. И вернулись вовремя. От подъезда, к припаркованной прямо на проезжей части машине, шли несколько человек. Бухгалтер, зажатый с обеих сторон. И один впереди. Видимо, старший. То, что бухгалтер шел с ними не по своей воле, видно было сразу.

Фролов и Бойцов шагнули навстречу идущим. Фролов чуть полубоком, чтобы не терять сидящего в автомобиле. И чтобы видеть всех идущих.

– Здравствуйте, – вежливо проговорил Бойцов, остановившись за несколько метров и достав удостоверение. – Служба безопасности России. Предъявите, пожалуйста, документы.

Документы ему не предъявили. Зато предъявили оружие. Пистолеты. Которые начали стрелять. Фролов едва успел сбить с ног Бойцова, в падении достав табельный пистолет. Водитель выхватил обрез ружья, вылез из машины. Дважды выстрелив в водителя, Фролов взял на мушкетера подбежавшего к машине старшего. Стараясь бить так, чтобы не насмерть. Рядом стрелял Бойцов. И хорошо стрелял – в нескольких метрах, выронив оружие, корчился один из противников, зажимая простреленную ногу. Другой противник лежал неподалеку, поднимая под себя бухгалтера. Добравшийся до автомобиля запрыгнул в кабину, ужом переполз за руль, хлопнул дверцей, пнув в лицо водителя, который с простреленными ногами пытался влезть на сиденье. Тот взвыл, но очень быстро затих. Потому что грохнул выстрел. Ему прямо в лицо.

Взревев двигателем, автомобиль сорвался с места. Оставив проверяющих и труп. Вернее, три трупа. Лежащий на бухгалтере был мертв. И бухгалтер был мертв. У капитана Фролова на руке расплывалось кровавое пятно. Рана была пустяковой – всего лишь царапина.

Бойцов вызвал милицию и скорую. Которые в этот раз приехали очень быстро. На удивление быстро. Показания Бойцова и Фролова запротоколировали, раненого в сопровождении милиционеров увезли в больницу. За погибшими приехали из морга. Куда их и увезли.

Капитану и майору делать здесь было больше нечего. Поэтому они и вернулись в гостиницу. Где их ждал лейтенант Кудряшов.

...Майор Бойцов несколько раз набирал номер его прямого начальника. Номер генерала Марченко. Но ответа не получил. Молчал телефон генерала. Что было само по себе странно. Обычно генерал никогда не заставлял ждать. Тем более, если звонили на его прямой служебный телефон. В обход всяких диспетчеров, операторов, приемных...

– Похоже, что нас пасут, – сообщил лейтенант Кудряшов. Открыв окно и куривший в него. Какая-никакая, а все равно маскировка. Хотя, если там, на улице, довольно опытные соглядатаи, его «маскировку» сразу раскроют.

– Кто бы сомневался, – пробормотал майор. Он начинал нервничать. Свидетели исчезли. На них самих напали и чуть не убили. Напали, да только сами погибли. Документов у погибших не было, но те были не сотрудниками органов. Майор это чувствовал. Как говорится, рыбак рыбака чует издалека. Еще и генерал куда-то запропастился.

Майор снова набрал генерала Марченко. Снова в трубке только гудки

Что делать? Что предпринять? И многолетняя выучка и опыт сотрудника государственной безопасности дали ему ответ. И майору стало не по себе, что он начал нервничать. Итак, во-первых, успокоиться! Не нервничать! И действовать по обстановке, как это уже было несколько лет назад в чужой стране. Правда, там свои «родные» службы обеспечивали максимально возможную поддержку. И еще была связь. Кратковременная, редкая, но связь была. А здесь...

– В общем, так, бойцы! – майор Бойцов снова почувствовал себя в «деле». И сейчас он командир для его людей, которые являются боевой единицей. – Ситуация неприятная, но не безнадежная. Скорее, непонятная. Завтра в 18:00 нам предписано убыть «домой». Но, возможно, отъезд придется отложить. На неопределенный срок. Поэтому всем быть в форме. Всем выспаться! Это во-первых. Во-вторых, нас пасут. Кто именно, мы не знаем. И навряд ли это органы. Скорее всего, из тех, кто сегодня устроил пальбу. Поэтому, для личной безопасности, будем спать по очереди. Пока двое спят, один бодрствует. На всякий случай. Береженого и... ну, сами знаете. В третьих, завтра постараемся по максимуму узнать, кто же оказался такими смелыми, что едва не угробили двух офицеров госбезопасности. Поэтому с утра разбежимся в разные стороны. Встречаемся в 16:00 на вокзале возле касс. Если за кем-то будет хвост или произойдет ЧП, из-за которого кто-то из нас не сможет прибыть, то отбытие также откладывается. Всем все понятно? Вопросы?

Всем все было понятно. Вопросов не было. Фролов и Кудряшов уснули быстро. А Бойцов сидел в темноте, размышляя над их положением. В принципе, ничего страшного. Следят? Да и пусть! Майор время от времени подходил к окну. И видел через штору и на стоящую внизу машину...

С утра майор Бойцов был в Управлении Внутренних Дел города. Уверенным шагом он прошел в приемную начальника. На его пути грудью встала секретарша.

– Простите, но его нет...

– Ничего страшного, я не тороплюсь. Когда он прибывает?

– Не знаю... И все же, я вынуждена просить вас подождать здесь. В его отсутствие...

– Хорошо, я подожду, – решил не ссориться Бойцов. Уселся на казенные, неудобные стулья, посмотрел на часы. Черт возьми, где его носит?! Времени у Бойцова оставалось все меньше и меньше... Но ничего другого не оставалось. Немного успокоившаяся секретарша предложила кофе. Если честно, она не представляла, что ей делать, если посетитель решит ждать ее начальника в его кабинете. Она знала о том, что он в какой-то мере выше ее начальника, и имеет на это право. Но ее начальник не одобрил бы такого упущения с ее стороны. А посетитель-то ничего, адекватным вроде оказался. Не стал ей истерику закатывать, доказывая, кто он такой и какие полномочия он имеет. И от кофе не отказался. И вообще, вежливый.

– И что, он не сказал, куда направится? – спросил у принесшей кофе секретарши.

– Утром, едва закончилось совещание, кто-то позвонил. Звонивший не представился. После этого звонка Петр Алексеевич вышел из кабинета, сказал, что уедет на время. Мне показалось, что он был немного взволнован.

– Почему?

– Не знаю... Может, мне это просто показалось... А потом еще звонили со следственного управления, тоже Петра Алексеевича спрашивали. Кажется, по вчерашнему происшествию что-то...

Следственное управление! Ну конечно! Скорее всего, Петр Алексеевич сейчас у следователей. Кстати, Бойцов сам намеревался нанести визит в следственное управление.

Майор поставил чашку с недопитым кофе на небольшой столик и торопливым шагом вышел из приемной под удивленный взгляд секретарши. Кофе ему, что ли, не понравился? Секретарша обиженно надула губки. В следующий раз не будет ему кофе делать!

...В следственном управлении Петра Алексеевича не оказалось. И никто там не знал, где находится начальник УВД города. Не могли даже подсказать этого. Зато подсказали другое. Что задержанный вчера раненый нападавший переведен в спецбольницу, находящуюся в ведомстве Петра Алексеевича.

– Почему?

– Не знаю, товарищ майор, – не по уставному ответил дежурный лейтенант. Но не только задержанного перевели в ведомство начальника УВД города. И заведенное дело, в котором фигурировало три трупа, оказывается, было передано в УВД. Причем непосредственно Петру Алексеевичу

В слегка раздраженном состоянии Бойцов вышел на улицу. Прошел с квартал, увидел телефонную будку. Едва подошел к ней, как перед ним словно из-под земли материализовался милицкий патруль.

– Ваши документы!

– В чем дело?

– Ваши документы!

Бойцов решил не спорить. Все-таки парни свою работу выполняют. Майор достал служебное удостоверение.

– Вам придется пройти с нами!

В сопровождении нескольких сотрудников Бойцов был доставлен в УВД города. Где не так давно ожидал Петра Алексеевича. И где ему был устроен допрос. Результат которого его ошелолил.

... – Бойцов Николай Иванович, вы арестованы по подозрению в разбойном нападении и преднамеренном убийстве! А также в даче ложных показаний, введения следствия в заблуждение и фальсификации вещественных доказательств, незаконном хранении и использовании огнестрельного оружия и боеприпасов, а также...

– На каком основании?! Вы что, сдурели?!

Вместо ответа на стол перед ним бросили несколько листов бумаги. Заявление раненого вчера, в котором тот просил привлечь к уголовной ответственности его, майора Бойцова! Основание тоже было. Вчера он, Филимонтов Дмитрий Денисович, в сопровождении двух своих друзей зашел к еще одному своему знакомому. На выходе на них напал майор Бойцов вместе с неизвестным лицом. На пару с которым и открыл огонь на поражение. В результате перестрелки он, Филимонтов Дмитрий Денисович получил огнестрельное ранение, а его друзья были убиты.

Майор Бойцов в сопровождении двух конвойных был сопровожден до служебного автомобиля, которая, под завывание сирен и отблески мигалок, доставила в следственный изолятор. В изолятор временного содержания. Вернее, пока еще должна была его туда доставить...

Петр Алексеевич Проскурин, начальник городского УВД, которого разыскивал майор Бойцов, никуда не девался. И нигде его черти не носили. Как об этом уже думал Бойцов. Просто он был сегодня занят. Встречей с человеком, во время которой мечтал о работе.

Но не недельной давности. А многолетней давности, когда он был еще лейтенантом или капитаном. И до начальника УВД города ему было еще далеко. И до сделки со Шведом. Попал на старости лет... И на старуху, как известно, бывает проруха...

Вот и сегодня ему позвонил Швед. И не попросил, а приказал приехать. И жестко даже приказал. Даже обидно вдруг Петру Алексеевичу стало. Давно он такого по отношению к себе не слышал. И уже машинально открыл рот, чтобы поставить наглеца на место, да вовремя вспомнил, кем является этот наглец. Почти хозяином. И Петр Алексеевич поехал. Скрипя зубами поехал.

... – Что же ты, Петр Алексеевич, ситуацию не контролируешь? – тоном, словно он воспитывал нерадивого ученика, выговаривал Швед начальнику городского управления внутренних дел. – Неизвестные открывают стрельбу среди бела дня, устраивают массовые убийства...

– Почему же это неизвестные? – не удержался, чтобы не подколоть, Проскурин. – Как раз таки и известные. Ваши это люди стрельбу открыли. И чуть не убили офицеров госбезопасности, которые, между прочим, находились при исполнении

– Неправ ты, Петр Алексеич, – все тем же голосом проговорил Швед. – Это не мои ребята стрелять начали. А те твои офицеры госбезопасности. Без причин и без основания...

– Ты... Вы... – Проскурин понял, куда клонит Швед. И вдруг вспотел. Нет, до такого он еще не ссучился. И пусть лучше уж все узнают, что он, начальник УВД продался криминальному авторитету, чем он своих подставит. С должности скинут. С органов турнут. О коррупции вряд ли будут кричать на каждом углу. А он продаст здесь все и уедет с женой куда подальше...

– Да, Петр Алексеевич, да, – утвердительно сказал Швед. – Рад, что мы поняли друг друга.

– Я никогда своих не подставлял! – Проскурин встал, намереваясь уйти. – Я тоже имею понятия о чести офицера!

– Именно поэтому мы с вами и договорились о сотрудничестве. Договорились, а не убрали. Понимаете разницу, Петр Алексеевич?

Проскурин понимал разницу. И словно ощутил у себя на шее затягивающуюся петлю.

– А насчет того, что «никогда» и «никого»... Молодец, Петр Алексеевич! Молодец! Но все в жизни когда-нибудь нужно начинать... Так что вам и карты в руки. Телефон на столе, сейчас вы позвоните в больницу, где лежит Ржавый...

– Кто? – переспросил Проскурин, пытаясь выиграть время. Он прекрасно знал по именам и прозвищам всех участников вчерашней перестрелки.

– Ржавый, – пояснил Швед. – Мой человек, раненый вчера. Вы позвоните в больницу и прикажете перевести его в ведомственный вам госпиталь...

– На каком основании? – прервал его Проскурин. – Это почти военный госпиталь...

– На основании, что Ржавый сейчас является главным свидетелем. А таких свидетелей принято убирать. И приставите к нему пару человек. Просто так, для видимости. У Ржавого заберете заявление, оно уже написано, приобщите его к делу. И направите всех ваших мусор... простите, сотрудников, на поиски и задержание особо опасных преступников. Личность которых вы попытаетесь установить, сделав запросы в соответствующие службы... Вам все ясно? А для того, чтобы вам, Петр Алексеевич, легче разговаривалось и распоряжалось, посмотрите, пожалуйста, сюда.

Швед щелкнул пультом – на большом экране появилась картинка. Его жена и дочь, сидящие на какой-то кровати. А по бокам стояли урки. Боевики Шведа. Вооруженные. Вот ведь гниды! Сволочи!!!

– Где они? Что с ними?

– С ними пока все нормально, они живы и здоровы. Могу вас заверить, что ни один волос не упал с их головы. Пока. Чего не могу вам гарантировать в будущем, если мы не договоримся. Все в ваших руках, Петр Алексеевич!

Ненавидящим взглядом глядя на Шведа, Проскурин подошел к телефону. Набрал номер. И отдал приказы и распоряжения. Все, что требовал от него Швед.

– Петр Алексеевич! – окрикнул его, уже выходящего, Швед. Проскурин медленно обернулся. – Вы уж извините, что пришлось таким методом. Хочу иметь гарантии.

– А не боитесь, что они придут за вами?

– Боюсь. Но вы им не позволите. Потому что вы в этом очень сильно заинтересованы. А если даже и придут, то мне есть что им противопоставить. Или вы, Петр Алексеевич, думаете, я не имею гарантий на этот вариант? – Швед расхохотался.

Майор Бойцов, Николай Иванович, провел ночь в узкой и холодной камере-одиночке. Коридорный попался нормальный, да еще и растерялся немного. Бойцов, как-никак, был все-таки майором. И не простым, а майором госбезопасности. И швырять его в общую камеру, где находилось несколько человек разного сброда, было запрещено. Законом запрещено. Поэтому он и запихнул Бойцова в одиночку. И дело было даже не в соблюдении закона. Просто дорога была своя задница. Потому что завтра майоры, полковники и генералы разберутся между собой, а с него три шкуры спустят. Сделают виновным, козлом отпущения. Без этого никак. Едва оставшись в камере, майор огляделся. Окон не было. Вместо него была небольшая отдушина, высоко под потолком. Поперек, упертая в самый ужасе конец камеры, стояла иконка. Стальная, вмонтированная концами в бетонный пол, конструкция, на которой вместо матрасов и постелей лежали обтертые другими постояльцами доски. Слева от входа находилась «параша» – прикрытое с одной лишь стороны отхожее место. Майору невольно вспомнились советские времена – тогда таких «параши», раскиданных по стране, было не счесть. Чуть дальше параша, насколько позволяли скромные габариты одиночки, стоял стол. Также вмонтированный ножками в цемент пола. И скамейка у стола. Все открытые места были деревянными, гладко отполированными, а все металлические части были вмонтированы в пол или утоплены в дерево. Майор усмехнулся. Прошел к иконке, растянулся на ней. В голову сразу полезли разные мысли. В основном нехорошие. Майор постарался прогнать их прочь и заснуть. С трудом, после долгих усилий, ему это удалось. Нехорошие мысли все никак не хотели уходить...

Проснулся Бойцов сам. Без будильника, как привык просыпаться за долгие годы службы. Проснувшись, сел на иконке, посетовал на отсутствие воды. Даже умыться нечем. Подошел к параше, справил нужду. После проделал комплекс упражнений. Приседания, отжимания. Тоже как всегда. Чтобы поддерживать тело в форме. После чего снова улегся на деревянную «перину».

И снова в голову полезли разные мысли. И снова большей частью нехорошие. И снова усилием майор с трудом их отогнал. И задремал. Чутко, без сновидений. Задремал, отдыхая. Разбудили его тяжелые шаги по коридору, а после грохот отпираемых засовов на двери камеры. В раскрывшуюся дверь заглянул один из охранников.

– С вещами на выход! – привычная, служебная для него фраза.

Вещей у Бойцова не было. Из всех его вещей все было на нем. Майор поднялся и направился к выходу. Пропустив пленника, охранник заглянул в камеру. Ничего подозрительного или странного. Все, как и должно быть. Все, как обычно.

Бойцова под конвоем провели по коридору, по обеим сторонам которого находились железные двери с массивными засовами и задвижками на них, спустили на первый этаж. Где находился приемник. Где ему вернули какую-то мелочь, что находилась в его карманах в момент задержания. Вернули смятый носовой платок. Несколько чеков из магазинов,

которые майор забыл выкинуть, и которые оставались у него в карманах. Расческу тоже не забыли. За свое имущество майор расписался в журнале. После чего его передали с рук на руки двум здоровенным, в камуфляжной форме, бойцам. Те еще раз прощмонали его, проверили полученное имущество по описи и заупрямились. Потому что отсутствовал табельный пистолет и служебное удостоверение. Преппирания заняли достаточно долгое время. После чего, махнув рукой, дежурный капитан под роспись выдал конвойным оружие и удостоверение майора.

Майора вывели во двор – небольшую коробку, с высокими бетонными заборами и колючкой по верху них. Бойцову показалось странным, что его усадили не в служебную, с мигалками и сиренами спецмашину, а в обычную, гражданскую легковушку. Слева от майора уселся один конвойный, второй сел за руль. Машина не спеша тронулась с места. Они медленно выехали в раскрывшиеся металлические ворота, вывернули на соседнюю улицу и покатались по ней, постепенно набирая скорость. Майор решил не задавать лишних вопросов, скоро будет понятно, куда его везут.

Неподалеку от ворот изолятора с коробкой конфет в одной руке и небольшим букетом в другой, прогуливался молодой человек. Очевидно, ждал кого-то. Очень даже возможно, кого-то из женского коллектива работников изолятора.

Но, едва машина с Бойцовым скрылась за ближайшим поворотом, молодой человек подошел к ближайшей урне. И выбросил в нее конфеты и букет. После чего быстрыми, но размеренными шагами зашагал прочь. Похоже, не дождался свой зазнобы. И обиделся на нее. Сильно очень обиделся. Так как лицо у него из немного растерянного стало сосредоточенным и серьезным. Пройдя перекресток, он уселся за руль старенькой и неприметной на вид машины. И резво взял с места. В том же направлении, в котором увезли майора Бойцова.

...Они ехали уже с полчаса, если не больше. Наручники, застегнутые спереди, не являлись проблемой. За свою службу он научился снимать их без всяких ключей. Но для этого требовалось немного времени. Совсем чуть-чуть. И, хотя бы, спичка. Спасибо, что не за спиной руки стянули. Тем временем машина выбралась из центра небольшого города ближе к окраине. И они ехали теперь по незнакомым майору местам. И, исходя из своего боевого опыта, в душе майора все сильнее крепла уверенность, что везут его совсем не на допрос и уж тем более не в СИЗО. Водитель, словно подтверждая догадку майора, свернул на трассу, ведущую за город. Машина теперь неслась прочь от города. Нужно было что-то срочно предпринимать. Но что? Его сопровождают двое вооруженных и здоровенных амбала. Этого, слева, можно двинуть в челюсть, а затем перехватить за шею цепочкой от наручников водителя... Нет, так не пойдет. Этого, что слева, одним ударом не вырубить, тем более, что размаха-то не будет, значит, и удар получится слабым. А если даже и получится его хотя бы на полминуты отключить, то водитель, почувствовав хватку на шее, непременно выпустит руль из рук... После удара в дерево или в столб на скорости более ста километров в час от них троих мало кто в сознании останется. Бойцов решил подождать немного. А чуть позже действовать уже по обстановке. Конвоир изредка перебрасывался короткими фразами с водителем, курил и глазел в окно. Однако готов был в любой момент отреагировать, если бы их пленник рискнул бы дернуться. А водитель смотрел на дорогу перед собой. Он, возможно, имел приличный стаж вождения и был неплохим водителем, но не имел опыта ведения и обнаружения слежки. Поэтому он не заметил, а после попросту не обратил внимания на старенькую машину, которая следовала за ними на небольшом отдалении. Водитель свернул на проселочную дорогу. Машина потрясывалась на укатанной проселочной дороге. Широкая трасса, по которой периодически проносились автомобили, осталась позади. Проехав небольшую рощицу, машина выбралась грунтовку. Проехав с пару километров, сидевший

слева конвоир достал из кармана мобильный телефон, нажал на кнопку. Невидимый собеседник сразу же ответил, словно держал трубку возле уха, ожидая звонка.

– Это я. Мы на подходе... Хорошо, понял... Лады... – он посмотрел на водителя, кивнул. – Все нормально, они готовы встретить нас.

Водитель не ответил, также уверенно катил по грунтовой дороге. Через пару километров он остановил машину, заглушил двигатель. Бойцов напрягся. Но конвоир был не промах – словно что-то почувствовав, он отодвинулся на край сиденья, повернулся полубоком. На любое движение майора он был готов немедленно отреагировать

Через несколько минут из-за деревьев показалась машина. Подъехав, остановилась за десяток метров. Сопровождавшие майора встрепенулись, конвоир вышел из машины, направился к подъехавшей машине. Из подъехавшей машины тоже вышли двое парней, медленно пошли вперед.

Водитель напрягся, внимательно следя за происходящим впереди. Вместе с водителем напрягся и майор Бойцов. На ведущих переговоры не смотрел. Он узнал подъехавших. А тем временем конвоир дернулся в сторону, рука его метнулась к кобуре, висящей на поясе. Но «встречающие» оказались быстрее. Почти одновременно прозвучали два выстрела. Конвоир неуклюже завалился набок, на его груди расплывались два кровавых пятна.

Водитель дернулся за пистолетом, другой рукой пытаясь повернуть ключи зажигания. Но вдруг захрипел. Стальная цепочка наручников, накинутая на шею, душила его, не давая возможности вдохнуть. Он попытался вырваться из смертельной хватки, но Бойцов крепко его держал. И сжимал хватку на шее все сильнее, упершись ногами в водительское кресло.

Когда с пистолетом в руках, направленном в салон, к автомобилю подошел один из прибывших, водитель уже бился в предсмертных конвульсиях. Через полминуты он обмяк и затих.

Спустя еще минуту с майора сняли наручники. И вытащили из машины. Но не грубо и небрежно, не как пленника. А как спасенного друга и товарища. И еще как командира. Но майор снова нырнул в салон автомобиля, прошарил по карманам мертвого водителя. Не найдя то, что искал, бросился к мертвому конвоиру. Достал из кармана телефон и набрал номер.

Павел Грачев, больше известный под кличкой Шнырь, выехал на работу рано утром. После вчерашней попойки трещала голова. Ехать куда-то в таком состоянии страсть как не хотелось. Хотелось лежать себе в постели, не спеша потягивая холодное пиво. Тем более, что в постели у Шныря остались две девочки, готовые и согласные на все.

Но не ехать Шнырь не мог. Он работал не на заводе и не на фабрике. Официально он вообще нигде не работал. Но, тем не менее, работа у него была. Та, что поручил ему Швед. И которую Шнырь добросовестно выполнял. Не позволяя себе прогуливать или отлынивать. Потому что на заводах и фабриках за прогулы увольняли. А Швед лишил. Не премии лишил. Жизни. А жизнь Шныря нравилась. И поэтому сегодня Шнырь, несмотря на дикое похмелье, разбитость во всем теле и отвратительное самочувствие, встал и поехал. Ни на минуту не осмелившись усомниться в необходимости ехать. В принципе, как всегда. Швед для него был царем и господом богом. Как и для всей его банды. Да и для города тоже...

Машина, которую вел один из двух подручных Шныря, остановилась на площадке у одного из рынков. На котором Шнырь был «контролером». То есть контролировал всех торговцев. Чтобы никто из них не сбивал цену. Чтобы никто из них не обидел другого торговца. И чтобы все они вовремя платили. Шнырь с его подручными пошли по рынку. К полудню они обошли почти весь рынок. И собрали положенную плату почти со всех торговцев. Почти – потому что Шнырь не выдержал мучившего его похмелья и несколько раз заворачивал к мест-

ной пивной, где каждый раз выпивал по кружке свежего и холодного пива. Шнырю полегчало. Намного причем. Осталось обойти всего несколько точек

На одном из контейнеров висел замок. Торговли не было. Вообще не было. Непорядок...

– У нее дочка приболела, – пояснила ситуация торговка-соседка.

– Она знала, что сегодня срок оплаты? Знала! Так что это ее проблемы, – проговорил Шнырь, делая пометку в своем небольшом, мятом блокноте. Теперь «долг» торговки, у которой заболела маленькая дочь, увеличился на четверть

С двумя другими точками проблем не было. Никто не рискнул перечить. Предпочитали добровольно расставаться с деньгами. Так было лучше. Для торговли. Для здоровья.

Небольшой казус случился в последней точке, стоящей в самом дальнем и грязном углу рынка. Несмотря на отдаленность и малую проходимость, аренда здесь была такой же, как и в центре рынка. И Шнырь тоже брал с этой точки полную плату. Точка принадлежала семейной паре средних лет, которые продавали здесь дары природы, выращенные ими же на отдаленном от города участке. Обычно муж и жена вкалывали на участке вместе, беря контейнер в аренду лишь на выходные. Но недавно в их семью пришло счастье. Случилось то, чего они так долго ждали и хотели. Жена забеременела. И тогда муж добровольно взвалил на себя всю работу в огороде, а жена взялась продавать результат их трудов. Теперь она каждый день проводила у арендованного ими контейнера, а муж периодически приезжал завести товар и проведать беременную жену. У которой был шестой месяц беременности.

Вот и сегодня он приехал проведать жену. Привез гостинцев ее сестре, жившей в городе. Жена с гостинцами ушла к сестре. Муж остался вместо нее. Не привыкший сидеть без дела, он быстро нашел себе дело. Подбил ножку у стула, чтобы, не дай бог, жена с него не упала. Подправил перекосившийся косяк у двери, чтобы та нормально открывалась. И отремонтировал прилавок, чтобы овощи не упали с него на землю, когда к нему подошли трое парней и потребовали деньги за то, что он тут занимается торговлей. Спокойно выслушав их, он повернулся к ним спиной и продолжил прерванное было занятие.

– Э, чувак, ты че, не догоняешь, что ли? – подручный повысил голос.

– Я заплатил аренду на прошлой неделе. Можете сходить к директору рынка, уточнить.

– Так то директору рынка... – протянул Шнырь. – А это нам...

В ответ тишина. Мужчина продолжил что-то делать с прилавком, сидя возле него на корточках. Не привык Шнырь, чтобы с ним так обращались. Взбесило его это. И Шнырь кивнул своему подручному. Тот шагнул к дерзкому бунтарю, чтобы проучить его. И уже размахнулся, чтобы ударить. Но тот неожиданно выпрямился, развернулся, а в следующее мгновение кулак влетел в нос шестерке Шныря. Тот завопил, разбрызгивая по сторонам кровь. Шнырь и второй подручный бросились на обидчика. Мужик умел работать, и работал с утра до вечера, поэтому кулаки у него были большие и тяжелые. Он умел работать, но не драться. Один на один он, возможно, и сумел бы одолеть Шныря с его шестерками. Но те напали с разных сторон. Как шакалы, бросались со спины. Им удалось уронить противника на землю. Который не успевал даже прикрыться от сыпавшихся на него ударов.

Заголосила вернувшаяся от сестры жена. Бросилась было уговаривать «контролера», но получила в ответ сильный удар, отбросивший ее назад. Бандиты ожесточенно избивали ногами все пытавшегося подняться с земли мужа. Шнырь выломал ножку прилавка, ту самую, которую мастерил избиваемый ими. И принялся избивать ею окровавленного мужа торговки, которая, схватившись за живот, зажималась в нескольких метрах от них. Возможно, Шнырь с его шестерками забили бы мужа насмерть, если бы не подоспел милиционер, дежуривший на рынке. Ему с трудом удалось уговорить Шныря прекратить драку. После чего милиционер в сопровождении Шныря и его шестерок, волочивших окровавленного мужика по земле, от полученных побоев неспособного идти самостоятельно, направился на пост

милиции. Где по всем правилам оформил нападение и драку. Со слов потерпевших – Шныря и его шестерок – написал рапорт, в котором отразил все произошедшее. Как мужик вдруг накинулся на подошедших к его контейнеру трех парней. Как разбил или сломал нос одному из них. Как разбил в нескольких местах губы другому. Все отразил. Все как было...

Жена, преодолевая боль в животе, подошла к своему контейнеру. Наклонилась, собирая рассыпавшийся товар. От полученного ею удара сильно болел живот, было больно даже шевелиться. Едва боль начала слегка отпускать, как двое местных алкашей притащили ее мужа. Женщине сначала показалось, что тот мертв. И она вдруг снова почувствовала сильную резкую боль. Теперь уже отдававшую в низ живота...

Скорую вызвали соседи по контейнерам. Которые уходили по внезапно появившимся срочным делам, когда происходило избивание. И которые теперь вернулись. После того, как все закончилось...

Вместе с женой увезли и ее мужа. В реанимацию увезли. С многочисленными переломами, с тяжелейшим сотрясением головного мозга, с внутренними кровоизлияниями... Он был без сознания, но он был еще жив. Его лицо представляло собой маску. Кровавую маску... Возможно, он боролся с самой Смертью, чтобы вернуться назад, в мир живых и защитить жену от бандитов... Будучи без сознания, он не знал, что его жену увезли в дежурный роддом. И что по дороге у нее открылось сильное кровотечение... И что через сорок минут не стало их будущего малыша, еще даже не родившегося на свет... И что еще через час не стало самой жены... И тем более не знал, что он сам пролежит в реанимации без сознания почти два месяца. А спустя еще полгода, выписавшись из больницы, он случайно столкнется на улице со Шнырем. И что задушит его голыми руками, с которых только недавно сняли гипс... задушит прямо на улице, ни скрываясь... И что после этого ему дадут приличный срок за предумышленное убийство. И также он не знал, что, отмотав три года, столкнется в зоне с одним из двоих подручных шестерок покойного Шныря, который вместе со Шнырем избивал его... И что тоже убьет его... Зарежет ночью заточкой, выплеснув на врага всю свою боль, злость, обиду и ненависть... И что даже соседи-урки, прожженные жизнью и выдавшие виды, содрогнутся от такого убийства. И что утром вертухаи насчитают на теле убитого более пятидесяти колотых ран... Но судить будет не кого – убийца будет висеть в петле неподалеку от убитого... И что второй подручный Шныря, который и ударил его жену, умрет раньше всех. Умрет, когда муж будет находиться еще в реанимации, борясь за жизнь. Умрет от передозировки наркотиками...

... – Да, майор, наворотил ты там дел, – голос генерала был каким-то необычным. Уставшим, что ли. Такого голоса у генерала Бойцов еще не слышал.

– Я ничего не воротил, товарищ генерал.

– Знаю я! – раздраженно, но без злости проговорил генерал Марченко. – Только теперь попробуй докажи это! По официальным данным, полученным вчера, ты со своей группой нарушил множество статей уголовного кодекса. Открыл стрельбу в центре города, ранил прохожего, убил троих...

– Товарищ генерал! Мы...

– Да знаю я, майор! Официально ты и твои люди – преступники, причем опасные для общества. Кстати, к нам пришли запросы по поводу тебя. И, насколько я проинформирован, точно такие же запросы прошли и по линии МВД. Кому-то ты там перешел дорогу...

– Николай Иванович! – к майору подошел капитан Фролов. – Там машина! Двигается сюда...

– В общем, майор, давай там держись! – генерал словно услышал слова капитана. А может, и вправду услышал. – Я тут наведу кое-какие справки, в общем, постараюсь помочь

тебе хоть как-то. И свяжись со мной послезавтра, думаю, сумею хоть что-то выяснить... Держись, майор!

В трубке раздались частые короткие гудки. Конец связи. До послезавтра, товарищ генерал! Если, конечно, живы будем...

– Все, уходим! – но, прежде чем уйти, Бойцов задержался. Чтобы раздавить телефон...

– Как ушел?! – Не знаю... – ответчик трясся, как осиновый лист. Шведля разбитыми в кровь губами, с переломанными пальцами, он в который уже раз рассказывал, как было дело. Рассказывал Шведу и Носорогу. – Мы были в нескольких километрах, когда он позвонил... Сказал, что на подходе... Мы ждали, а потом поехали к ним... Увидели машину и два трупа... Водитель был задушен, а второй застрелен...

– Как ушел мусор?! – словно робот, повторил вопрос Носорог. Ничего не выражающим голосом. Для него все происходящее было обычным делом. Его работой. Швед в допросе не участвовал. Не по рангу ему было. Он стоял чуть в стороне, наблюдая за допросом. И злился. Надо же, упустили того мусора! Который может столько проблем вызвать...

– Как он ушел?! – продолжал допрос Носорог. И звук удара. И причитания шестерки.

Швед развернулся и пошел прочь. Спустя минуту его догнал один из приспешников.

– Швед, что с ним делать? – кивнул на окровавленного шестерку.

– В расход, – за секунду решил дальнейшую судьбу шестерки Швед. И продолжил идти. Остановился через пару шагов. – И знаешь что... Устрой это так, чтобы братва видела... Покажи им казнь...

Правильно! Все правильно! Так и надо поступать! Пусть боятся свои и уважают чужие! Швед невольно призадумался. А кто мог помочь майору? Его люди? А кто же еще... Тем более, их местонахождение так и не обнаружили. Пока... Швед привлек к поискам не только свою армию, но и ментов. У каждого постового имелись фотороботы майора и его мусорской команды. И его шестерки вполне могли не успеть... Но многого Швед не понимал. Например, почему сопровождавшие майора остановились, не доехав до встречавших? Что делал второй, когда майор душил водителя? Стоял и смотрел? А потом ждал, пока мусор вытащит оружие и застрелит его? В это мало верилось...

Да и ладно... Сейчас есть дела поважнее. Майор со своими людьми никуда не денется из города. Повсюду в городе Швед имеет свои глаза и уши. Стоит лишь им где-то появиться, как он тут же узнает об этом. А вот новости, принесенные его соглядатаями, настораживали Шведа. В городе объявился Туз. Авторитет из соседнего города. Что Шведу не понравилось. Совсем не понравилось. Туз был весьма известным в своих кругах, и имел весомый авторитет. И был единственным из соседей, который рискнул бы завладеть его, Шведа, владениями. И нужно было как можно быстрее разузнать, зачем Туз появился в городе. Без приглашения прибыл. Приказ следить за его передвижениями Швед отдал сразу же, как только узнал о его приезде.

Через пять минут Швед уже слушал доклады своих людей. Туз в сопровождении четырех своих охранников отобедал в известном и самом дорогом в городе ресторане. После направился в сауну, где пробыл два часа. После просто колесил по городу. Катался. Потом вернулся в гостиницу, где и находится по данный момент. Слежка за Тузом велась масштабно – в ней были задействованы многие люди Шведа. Даже «пехоту» привлек к этому делу...

Слушая доклады, Швед думал. За каким чертом приперся в его город Туз? Что ему здесь нужно? Почему он сразу не вышел на Шведа? Хотя ведь знал, кто здесь Хозяин. Может, хочет что-то предъявить ему, Шведу? Швед перебрал в уме многие моменты, но ничего, за что можно было бы кинуть предьяву, у него не было.

И Швед решил не паниковать. Пусть Туз ходит по ресторанам, ездит по саунам, спит в гостинице. Швед не мальчик, и не будет бегать за другим авторитетом. Швед подождет, пока Туз сам не придет к нему. Или хотя бы не выйдет на контакт.

Выслушав своих подчиненных, Швед вызвал своего начальника охраны.

– Усилить охрану на пару-тройку человек. Но так, чтобы они в глаза не бросались. С Туза глаз не спускать. В любое время дня и ночи я должен знать о его месте нахождения. Но пасти его аккуратно, головой за это отвечаешь! Понял?

Подчиненный, конечно же, понял. Не дураком был. Конечно, понял! Попробуй только не понять...

– Давай машину! Через пять минут ко входу!

Начальник охраны уже было вышел, когда Швед вдруг добавил вслед: – И позвони Грише, пусть номер приготовит!

И уже уезжая, Швед дал последние распоряжения:

– Если что-то случится, то я должен быть первым, кто узнает! Если майор появится – кончайте его! И его людей тоже. И про Туза не забудьте!

...И уже намного позже, в сауне, Швед вдруг понял, что делал в его городе Туз. Ответ оказался прост – Туз надеется сорвать большой куш в металлургическом деле. Которое скоро должно было решиться. И в его, Шведа, сторону. Он был одним претендентом на куш. До появления Туза...

Через день после своего «спасения» – или побега – майор Бойцов с нетерпением ждал назначенного времени, чтобы связаться с генералом Марченко. После освобождения он, Фролов и Кудряшов, как и в былые времена на заданиях, долго уходили прочь. Петляя по негустому лесу. Пугая следы на случай, если за ними устроят погоню. Хотя не должны были – Фролов и Кудряшов тщательно «убрали» место. Сделав так, чтобы было похоже, что это майор сам положил двоих конвоиров...

Под вечер, проделав многокилометровый марш-бросок, они вышли к какому-то полупустому дачному поселку. На их счастье, дачников почти не было. На всякий случай, они понаблюдали за улицей и домами. Редкие дачники перед наступлением сумерек укрылись в домах. Ничего подозрительного не заметили. С наступлением темноты принялись за поиски убежища. Оно нашлось быстро – стоящая чуть в стороне от всех, почти на окраине поселка, небольшая дача. Открыть навесной замок не было проблемой для офицеров госбезопасности. Также, как и повесить его после так, чтобы он казался целым и нетронутым.

Ночь провели на даче. По очереди выпалились. Решили прождать на даче еще сутки. На случай, если вдруг приедут хозяева дачи, присмотрели отходной путь. Встал вопрос о продуктах. Лейтенант Кудряшов добровольно смотался в магазин в ближайший поселок. Заодно оценил обстановку вокруг. Разумеется, что выходил и заходил он скрытно – не хватало, чтобы кто-то, увидев на соседской даче неизвестных мужчин, вызвал милицию. Остаток дня, ночь и следующий день тоже прошел на даче. ...Наконец-то наступил вечер. Майор достал дешевый и простой телефон, добытый лейтенантом во время вылазки. Подождал, пока стрелки часов отмерят точное время – привычка, выработанная за долгие годы службы. Набрал номер

– Ну, здравствуй, майор! – проговорил генерал. Помолчав пару секунд, тяжело вздохнул. И продолжил говорить. – Сразу к делу. Не знаю, что там у тебя творится, но мне это не нравится...

Блин, а кому это может понравиться? Майор усмехнулся на слова генерала. Но промолчал.

... – По неофициальным данным, в городе всем заправляет преступный авторитет по кличке Швед. Не исключено, что многие в местной милиции работают и на него тоже.

Убитые во время перестрелки – боевики банды Шведа. По бумагам, они числятся «чистыми» гражданами, лишь когда-то бывшими в банде. Но из банды, сам знаешь, сложно выйти... Я это тебе говорю просто для общего сведения, а не для того, чтобы ты полез на рожон. Ты меня понял, Бойцов?

– Так точно, товарищ генерал!

– Вот то-то же... Твоя задача сейчас – затаиться где-нибудь, залечь на дно и не высываться... Тем более, что к Шведу так просто не подступиться... Хотя он, я уверен, главное действующее лицо...

– Так что же, нам прятаться?! Пока этот ваш Швед творит невесть что?

– Он не мой, майор! И именно прятаться! Это приказ!

– Но, товарищ...

– Никаких «но»! И подумай, чем вы перешли там дорогу Шведу. До чего вы докопались, если он устроил на вас охоту... Думай, майор, думай! Я постараюсь решить все мирным путем, перевести объявление вас в розыск в недоразумение... Если получится...

– И сколько нам прятаться?

– Столько, сколько нужно будет! Я попытался добратся до ваших дел, но мне дали от ворот поворот... Да, давненько мне по морде не давали...

– Товарищ генерал, а, может, нам этого Шведа... – предложил Бойцов. – Он на все вопросы ответы сможет дать...

– Нет, майор! Хватит с вас там преступлений! – Бойцов промолчал, сделал вид, что не услышал последнее слово генерала. – Хотя я с тобой согласен... Только Швед сможет дать ответы...

Повисла недолгая пауза. Нарушил ее генерал:

– В общем так, майор. Слушай внимательно! Ты прав, сукин ты сын! Шведа нужно потрясти, хотя бы нервы ему подпортить...

– Значит, мы...

– Не значит! – сухо оборвал генерал. – Ты ждешь в лежке два дня, потом выходишь со мной на связь. И там уже будем решать, куда и как бить в первую очередь... Но при этом останешься в живых. Должен остаться в живых! И ребят сохранишь!

– А Швед?

– Я займусь им сам... Есть у меня один человек... Ты, майор, прикроешь его, отвлечешь внимание Шведа и его бандитов на себя, если потребуется... И – держись, майор! Держи удар, боец!

...Уже три дня Туз жил в его городе. Не ища встречи и не выходя на контакт. Все также катаясь по городу, обедая в ресторанах и пропадая в сауне. Швед начинал терять терпение. Мало было ему майора с его людьми, которые как сквозь землю провалились, так еще Туза черт принес...

Швед нервничал. Червь сомнения, что глодал его вначале, вырос и грыз уже по серьезному. Что, если майору все же удалось уйти из города? Само собой, что Швед расставил на всех вокзалах своих людей. И что их фотороботы были у каждого милиционера. Может, они по одиночке просочились? И сидят сейчас где-нибудь в министерстве, рапорта пишут... Или в этот самый момент к нему, к Шведу, уже едут машины с загруженными в них бойцами спецподразделений...

Да и хрен с ним! Швед со злости швырнул в стену хрустальный бокал с недопитым виски. Врезавшись в стену, бокал хлопнул, разлетелся на сотни мелких осколков. Швед поднялся с плетеного кресла. Хватит киснуть! И выдумывать невесть что! И вообще, нужно привести себя в порядок. Снова быть тем Шведом, каким привыкла видеть его шушера, что бегала у его ног и гордо называла себя братвой. Стать сильным, уверенным, решительным и даже жесто-

ким в чем-то Шведом. Которого боялась братва. Которого уважали другие авторитеты. Спустя час Швед был тщательно выбрит, пострижен и причесан. Одев легкий, но дорогой костюм, Швед разглядывал себя в огромное зеркало. Несколько дней ожидания, которые он привел в доме, не прошли даром. От нервов и недосыпания покраснели глаза. От постоянного принятия небольших доз алкоголя и сигаретного дыма пожелтели зубы. А на лице появилась какая-то бледность. Хватит! Швед грохнул кулаком по огромному столу из красного дерева. Хватит! Он – хозяин в этом городе. А сидит в окружении своих быков, никуда почти не выбираваясь. Еще решат, что он испугался. А он, Швед, он никого не боялся! Ни ментов, ни прокураторы, ни чекистов. Никого!

Пора и ему выбраться из дома! Пусть город видит, что Хозяин никого не боится! Пусть его быки видят, что их пахан не боится никого, раскатывает по городу. Пусть с охраной, но охрана – это уровень престижа, она положена ему.

Если допустить сейчас хоть маленькую ошибку – кто-то засомневается в нем, пошатнутся его позиции. Он, конечно, сможет укрепить их. Большой кровью. Но, тем не менее, разговоры и сомнения будут. И даже если Швед запугает всех до полусмерти, то, при первом же удобном случае, они воткнут ему нож в спину...

А хрен вот им! Он, Швед, не позволит этого! Не будет этого!

... – Машины! – распорядился Швед. И, подумав пару секунд, добавил: – «Мерседес» давай!

Пусть «Мерседес»! Пусть все видят, что он, Швед, смело катается по ЕГО городу. Что он, как и прежде, правит в городе своей железной рукой. И никто, даже Туз, не сможет сказать, что Швед чего-то испугался, и, как крыса, пересидел где-то. И никто не напрягал Туза, никто не портил ему отдых...

«Мерседес» вырुлил из ворот. За ним в нескольких метрах пристроился большущий джип с охраной. В течение двух дней Швед появлялся практически повсюду в городе. Побывал везде – и в театре, и в музеях, и на выставках, и в ресторанах, и... Повсюду появлялся... Везде, где его видело много людей.

Умаялся Швед. Устал от фальшивых улыбок, от внимания к нему, от лживых заверений устал... Вечером второго дня Швед устроил отдых для братвы. В своем любимом номере в сауне у Гриши. В одном номере со Шведом были лишь его самые приближенные. Вся остальная братва гуляла в оплаченных Шведом других саунах.

С тоской в глазах Швед смотрел на гуляющую братву. Жратвы и выпивки было немаленько. Не пожалел пахан средств для отдыха своей гвардии. Только вот командир их почему-то был грустным.

Швед сам себя не понимал. Подумаешь, приехали ревизоры ментов шерстить. Ну, пало несколько его быков – тоже ничего страшного. Смotalся майор – неприятно, конечно, но не смертельно. Туз в его город заявился? Это тоже не смертельно. Предъяв никаких не кидает, в дела Шведа не лезет... Так чего же Швед расстраивается? Этого даже он не понимал...

Еще раз Швед обвел взглядом номер сауны. Лучший номер в сауне. Как ему все осточертело! Этот город! Эти быки! Это фальшивые, слащавые улыбки и раболепие...

Сейчас бы вместо этой сауны на природу уехать... Жить в палатке, есть приготовленную на костре пищу, купаться в прохладной воде ближайшего водоема... Красота!

А почему, собственно, и не уехать? За городом у Шведа имелось с десяток коттеджей, он мог заявиться в любой из них в любой момент. Нет, там тоже быки... Все будет также, как в городе... Тогда, может, на дачу? Один из высоких ментовских чинов давно приглашал..

И тут Шведа осенило. Дача! Твою мать, дачи!!! Через полчаса из сауны разъезжались поднятые по тревоге «бригадиры». Чтобы с утра с «пехотой» прошерстить дачи в поисках майора и его людей...

Вторые сутки Бойцов с людьми находился в бегах. На дачу, на которой они прожили несколько дней, неожиданно приехали хозяева. Хорошо еще, что, по военной привычке, при рассмотрели пути отхода на непредвиденный случай

Проблемы начали появляться словно из воздуха. То, что приходилось быстро уходить – не беда. Вояж по пересеченной местности – тоже дело привычное. Закончилась и без того скудная еда – перешли на «подножий» корм. Это было привычнее и не так страшно, как отсутствие телефона. Выйти в населенный пункт, пусть и находящийся на отшибе – риск. Их разыскивает милиция, скорее всего, у каждого сотрудника имеется ориентировка с их лицами. А в деревне или поселке, где все друг друга знают, новости о них быстро разлетятся.

Но и дальше мотаться по лесам не было смысла. Нужно было раздобыть где-то хоть немного денег и еды. И дальше действовать уже по распоряжению генерала. Скажет залечь – залягут. Скажет на штурм идти – пойдут на штурм. В каком-то небольшом поселке сумели раздобыть небольшую сумму денег. Незаконно, конечно. Ну, а что делать? Когда милиция охотится не за тем, за кем надо – это тоже незаконно. На старенькой угнанной машине добрались почти до самого города. Раздобытых денег хватило, чтобы снять маленький номер – клетушку два на два – на окраине городка. Но это было не страшно. Главное – там был телефон. Дождавшись вечера, майор Бойцов набрал номер генерала Марченко.

– Ты куда пропал, майор?! Все нормально? – взволнованно спросил генерал. Бойцов вкратце обрисовал их положение.

– В общем, так, майор. Мой человек уже у вас в городе. В ближайшие часы он начнет действовать. С ним никакого контакта... И аккуратно, не подставляйтесь под пули...

– Товарищ генерал, а что там... с нами?

– Хреново все, майор, – после короткой паузы ответил генерал. – Кому-то ты дорогу перешел. Кому-то, кто имеет прикрытие сверху... Да такое, что мне, генералу, можно сказать, по морде надавали... Но ты, майор, не тушуйся. Объясни своим, что мы стараемся вас вытащить сухими... Все, что можно, сделаем... Да и то, что нельзя, тоже сделаем...

– А этот... ваш человек... он кто?

– Он... он никто... – после паузы ответил генерал. – Его даже в природе не существует...

– А как...

– А вот так! – вспыхнул генерал. – Вот так, майор! Не получается сейчас миром решить, майор! Так что мне, своих парней бросать прикажешь?! Хрен тебе, майор! Я своих не бросаю...

– Я знаю...

– Тогда что же ты ерунду спрашиваешь...

– Значит, ничего нельзя сделать?

– Пока ничего... ответы сам знаешь, сколько будут собираться... и сколько идти... А там на вас новых мертвяков навешают. Да если даже и получится, то что это даст? Год-два условно? И то при условии, что судья взятку брать откажется... И ни к чему нам шестерки Шведа... Нам сам Швед нужен.

– Что нам делать, товарищ генерал? Какие будут распоряжения?

– Распоряжения? Выжить! Самому выжить и ребят не положить... Понял, майор?

– Так точно!

– Ждешь сутки, после с ребятами выбираешься в город, и стараешься смотаться оттуда... Но аккуратно! А то вас не только менты местные вас искать будут... И, скорее всего, пострелять придется. Не разучился еще, майор?

– Никак нет, товарищ генерал!

– Молодец! А придешь сюда со своими ребятами, уйдешь на дно, заляжешь как можно глубже... И чтобы – ни слуху, ни духу! Вот ваша задача будет...

– Чистильщик, товарищ генерал? – спросил Бойцов, имея в виду человека генерала.

Генерал ответил не сразу. Но ответил. На что Бойцов даже не рассчитывал.

– Чистильщик. Но не мой...

– Значит, война, генерал? Как там, раньше?

– Война, майор, еще какая война... Хуже, чем там... Намного хуже, чем раньше...

Генерал был прав. Там – было проще. Там были свои и были враги. Твои – рядом с тобой, прикрывают тебя. Тот, кто впереди и с оружием – те враги... Все просто... Очень просто...

А здесь – поди разберись, кто свой, а кто враг. На лицо – они все свои...

Максим Битюгов, по кличке Фикса, полученной из-за вставных золотых зубов, вернулся к себе домой. Грязный, уставший, пропотевший, пропахший дымом... Трое суток он со своей «пехотой» по приказу Шведа искал сбежавшего майора по всем дачным поселкам в пригороде. А потом – просто по поселкам. А потом – по магазинам, отделениям связи в этих самых поселках... Умотались до полусмерти...

Зато теперь предстояли выходные. Заработанные им. И Фикса решил оторваться на полную. Вечер первого дня и всю ночь он отсыпался. Смыв предварительно с себя дым и грязь. И плотно поев. Проснувшись на утро, Фикса не менее плотно, чем вчера, позавтракал. И вышел из дома.

Отчитавшись перед Шведом, поехал обратно. По дороге завернул в огромный супермаркет, где по полной отоварился. Помимо продуктов, в корзину легли бутылки с алкоголем, шоколад и шоколадные конфеты, различная закуска к алкоголю. Готовить Фикса не любил, да и не умел. Но однажды пришлось ему просидеть дома безвылазно несколько дней, а в холодильнике было пусто... С тех пор он предпочитал держать холодильник набитым продуктами. Хотя бы теми, что не требуют особого мастерства в приготовлении. Нарезанная колбаса с хлебом вполне утоляют голод... Алкоголь был необходим на выходные. Иначе какие же это выходные, если выпить нечего? Но тот, что Фикса закупил в супермаркете, предназначался для одной крали, за которой он ухаживал почти месяц. Фикса не был романтиком, и ухаживания были не для него. Обычно он добивался женщин сразу. Тех, которые строили из себя недотрог, он брал силой. Но с этой было совсем другое дело. Она вежливо, но конкретно отвергла предложения Фиксы. Причем отвергла при быках, которые подняли его на смех. А когда он встретил ее, чтобы отомстить за унижения, она сумела перевести разговор в такое русло, что он даже забыл, для чего ее подкараулил. А потом... потом он принял ее условия игры. Стал изображать из себя романтика, дарить цветы и прочую ненужную лабуду, стал посещать вместе с ней театры. Кое-кто из братвы стал посмеиваться над ним, типа он, Фикса, влез под каблук. Но это не так! Он только получит то, чего добивался целый месяц, и пошлет ее куда подальше. И получит уже сегодня вечером. Или ночью. Потому сегодня она согласилась зайти к нему в гости.

И поэтому сегодня Фикса был в приподнятом настроении с самого утра. Ему казалось, что девушки, встреченные им сегодня, настоящие красавицы. Причем все, без разбору. И он непременно с кем-нибудь из них познакомился бы, если не сегодняшним вечером. Предвкушая предстоящее, он слегка витал в облаках и был немного рассеян. Даже сам Швед заметил, что с ним что-то не так. Узнав, в чем дело, рассмеялся. Фикса был одной из «правых рук» Шведа, кроме того, неоднократно доказывал свою преданность, и теперь числился у пахана на особом счету, получая намного больше поблажек, чем некоторые.

Если бы Фикса не был так погружен в предстоящие события вечера, то наверняка бы заметил старенькую «Ауди», следовавшую за ним. На улицах много машин, и нет смысла в каждой подозревать преследователя. Но когда державшаяся на расстоянии «Ауди» несколько раз повторила его маневры, следуя за ним, стоило бы присмотреться к ней повнимательнее. Обратив на заляпанный грязью номер. Хотя непонятно, откуда она взялась – в городе уже который день подряд стояла ясная, немного жарковатая погода, и грязи просто

неоткуда было взяться. Не лучше смотрелось и лобовое стекло – пыль настолько плотно осела на нем, рассмотреть водителя было невозможно. Лишь один дворник прочистил на слое грязи небольшое окошечко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.